

Талантливый детектив

Марта Маро

**СЕРЬГИ
С АЛМАЗНЫМИ
БАНТАМИ**

Галантный детектив

Марта Таро

Серьги с алмазными бантами

«ВЕЧЕ»

2016

Таро М.

Серьги с алмазными бантами / М. Таро — «ВЕЧЕ»,
2016 — (Галантный детектив)

ISBN 978-5-4444-8695-5

1812 год. Французы только что заняли сгоревшую Москву. В шинели ополченца уходит на войну поручик Щеглов. Кажется, что теперь не имеют значения ни случившееся в одном из имений жестокое убийство, ни исчезновение юной княжны Елены Черкасской. Но только не для Щеглова! В рядах победителей поручик войдёт в наполеоновский Париж и наконец-то сделает то, что должен. Покарает Убийцу. «Серьги с алмазными бантами» – очередной увлекательный роман Марты Таро из уже полюбившегося читателям цикла «Галантный детектив». В судьбоносном раскладе карт Таро открывается новая карта, предлагая пытливому читателю еще одну загадку.

ISBN 978-5-4444-8695-5

© Таро М., 2016
© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	24
Глава шестая	31
Глава седьмая	36
Глава восьмая	42
Глава девятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Марта Таро

Серьги с алмазными бантами

© Таро М., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

* * *

Глава первая Убийца

Сентябрь 1812 года

Женщина вопит и стучит ногами. Её праведный гнев неистов, но мужчину это не волнует. К чему слова, когда дело сделано, и жертва уже запуталась в расставленных силках? Он молчит. Наблюдает. Крикунья распаляется всё больше и больше: её голубые глаза сверкают, ноздри дрожат. Сколько в ней злости и сколько гонора!..

Неужели она ни о чём не догадывается? Вроде нет... Хотя что с баб взять? Одно слово – пустышки. Матери растят из них принцесс, сулят им поклонение рыцарей, а потом выпускают в суровый мир, где судьба сразу же даёт дочке пинка. Лети вниз, курица! Знай своё место и не высовывайся!

Мужчина терпеливо ждёт. Наконец с женских уст слетает долгожданное «не дам», и он впивается взглядом в лицо своей жертвы. Поймать, не упустить тот миг, когда в чёрной глубине зрачков проступит страх. Упоительное, сладкое мгновение, а потом – предвкушение и наконец-то... вождление. Плоть затвердеет, став до умопомрачения чувствительной, а следом придёт наслаждение! Но, чтобы всё получилось, в глазах крикуньи должен проступить ужас.

«Жалкая дурочка, она думает, что нужна мне».

Смешно, но это примитивное существо, кажется, мнит себя чем-то ценным. Дылда с выпирающей грудью, восемнадцатилетняя корова. Человеку со вкусом на неё и смотреть-то противно. Бестолочь не понимает, что годна только в жертвы и судьба её предрешена: умереть в назидание другим. Мужчину волнуют совсем юные, это в их сердцах должен родиться ужас.

Дылда по-прежнему задирает нос, на её лице нет даже тени прозрения. Ну что ж, пора! Мужчина идёт к камину и берёт со стойки кочергу. Может, нахалка хоть теперь догадается?... Нет, бесполезно. Она и впрямь оказалась тупицей. Удар по икрам валит крикунью на пол. Наконец-то в её глазах мелькает страх – дошло, что к чему! Натянув серое сукно панталон, мужская плоть разбухает, а сладкий огонёк греет кровь. Теперь надо раздуть пламя, обратить его в пожар! Мужчина вновь бьёт жертву. Попад ногой в мягкое, радуется: «Живот? Славно... А теперь добавим!»

Описав круг, тяжелая кочерга опускается на плечо жертвы. Женщина хочет свернуться в клубок, спрятать лицо. Вот уж нет, не выйдет! Бац – и сапог таранит нежную щёку. Лучше бы, конечно, выбить зубы, но не беда – всё ещё впереди.

Переплавляя кровь в жидкий огонь, нарастает возбуждение. Мужчина упивается им – растягивает удовольствие.

Удары сыплются на обмякшее тело: кочерга, нога, кочерга, нога... По холке мучителя пробегает дрожь. Ни с чем не сравнимый аромат свежей крови дурманит голову. Великолепно! Острее пахнет лишь человеческий мозг.

Кочерга опускается на череп жертвы. Веером теплых капель разлетаются окровавленные сгустки. Невероятный, запретный аромат – он как спусковой крючок. Огненные судороги пробегают по телу мужчины. Одна, вторая... О-о-о! Как это приятно!.. Но, скомкав тёплую истому, разрывает тишину визгливый крик:

– Убийца! – старческий голос срывается на фальцет.

«Что за чёрт? Богадельня тут, что ли? – раздраженно думает мужчина. – Всё испоганили!.. Хотя...»

На сером сукне панталон расплзается влажное пятно. Чтобы там ни вопила седая ведьма, дальше можно и не слушать – главное уже сказано. Старуха даже не понимает, какой комплимент сделала.

Убийца! Разве не прекрасное имя для великого человека?

Глава вторая

Побег

Что может быть прекраснее, чем осень в Ратманово?.. Впрочем, в этом году говорить об осени было, пожалуй, рано: сентябрь выдался на редкость жарким, и благодарная природа на этом солнцепёке цвела и плодоносила по-летнему буйно. Усыпанные мелкими краснобокими яблочками согнулись до земли ветви барского сада, под тяжестью крупных тёмных гроздей провисли виноградные лозы, а на клумбах яркая пестрота георгинов оттеняла нежность белоснежных роз.

Однако ни тёплый день, ни ратмановские красоты не веселили светлейшую княжну Черкасскую. Елена молча сидела возле устроенной на реке купальни, наблюдая, как беззаботно плещутся в воде её младшие сёстры.

– Ах, Элен, неужто и впрямь Москву отдали французам? Нет! Я в это не верю, – сидевшая рядом с княжной тётушка Апраксина горько вздохнула. Вернувшийся из уездного городка управляющий только что доложил хозяйкам о последних сплетнях и устрашающих слухах.

– Я тоже сомневаюсь, что отдали – призналась Елена. – Только мне очень не по себе. От Алексея уже четыре месяца нет писем.

Старший брат четырёх княжон Черкасских покинул Ратманово ещё до начала войны, но с фронта умудрялся писать домой постоянно, а тут – как отрезало.

– Алекс воюет, – резонно заметила Апраксина.

– Да, наверное, вы правы. – Елена и сама каждый день повторяла то же самое, но сердцу не прикажешь, а оно всё ныло и ныло. Княжна уже пожалела, что завела этот разговор. Не нужно бередить раны. Спасение семьи – в обыденности. Всё как всегда! Только так можно спрятаться от тяжёлых мыслей.

Елена окликнула сестёр:

– Девочки, пора обедать! Вылезайте и догоняйте нас.

Ухватив тётку под руку, княжна повела её по старинной липовой аллее к дому. Старая графиня опиралась на палку и даже с помощью Елены шла очень медленно. Дамы ещё не успели добраться до крыльца, когда их обогнали все три купальщицы. Девушки натянули платья на мокрое тело и сейчас бежали наперегонки в свои комнаты переодеваться.

Усадив тётку в гостиную, Елена зашла в крохотную комнату возле буфетной. Там среди шкафов, забитых расходными книгам, приютился квадратный столик, за которым, нацепив на кончик носа круглые очки в железной оправе, что-то писала в гроссбухе седая как лунь, но всё ещё живая и бодрая домоправительница Тамара Вахтанговна. В Россию она приехала давным-давно вместе с грузинской царевной Ниной – матерью Алексея Черкасского. Потом случилось несчастье, и Нина умерла, а старая няня заменила её осиротевшему сыну мать. Вместе с мальчиком перебралась Тамара Вахтанговна в Ратманово, а когда её питомец вырос, сделалась в имении домоправительницей. Княжон – сводных сестёр Алексея от второго брака его отца – Тамара Вахтанговна не воспитывала, но девушки дружно называли её так же, как их брат, – «няня».

– Няня, девочки переодеваются, тётушка в гостиной. А что с обедом? – спросила Елена. Восемнадцатилетняя княжна, сама не заметив как, сделалась за последний год хозяйкой дома.

– Всё готово, дорогая! Скажу, чтобы подавали, – отозвалась Тамара Вахтанговна и отправилась на кухню.

Елена вернулась за тёткой и повела её в столовую. За их спинами простучали быстрые шаги спешащих девушек, и княжна довольно улыбнулась. Она старалась держать младших в строгости, но вредные сестрицы сплошь и рядом восставали против её власти, однако сейчас всё с первого раза вышло гладко. Не только покладистая Лиза и младшая Ольга, но и вечно бунтующая Долли подчинилась без возражений. Хорошо!..

Елена усадила старую графиню во главе стола и, кивнув сёстрам, пригласила их садиться. Но не успели слуги подать блюда, как звук колокольчика возвестил о приближении экипажа. Девушки вскочили.

– Нет, сидите, я сама посмотрю, кто это, – запретила Елена, – время военное, неизвестно кто и зачем может приехать.

Княжна встала и гордо, с прямой спиной, прошла мимо сестёр. Выйдя за дверь, она рванулась вперёд и, перепрыгивая через ступеньки, вылетела на крыльцо. Черная лаковая карета уже остановилась, но из неё вышел вовсе не Алексей, а дядя – брат их покойного отца князь Василий. Он окинул Елену равнодушным взглядом и процедил:

– Ну здравствуй, племянница.

– Князь Василий, мой брат запретил принимать вас в Ратманово, – объявила Елена и постаралась загородить собою дверь. – В письме, присланном весной, он совершенно чётко выразил свою волю.

Оплывшее лицо дяди, до этого расслабленно брезгливое, вдруг исказилось злобой, а блеклые глаза под набрякшими веками опасно блеснули.

– Теперь я здесь хозяин, да и ваш опекун тоже. Так что советую тебе вести себя потише и поскромнее, а то можешь и палки схлопотать, – прошипел князь Василий и, оттолкнув Елену, прошёл в дом.

– Что вы говорите, а где Алексей?!

– Убит под Москвой! – Старик мерзко хихикнул. – Жаль племянника, такой молодой был и наследника не оставил.

Злорадная ухмылка князя Василия оказалась последним, что видела Елена: она без чувств рухнула на пол.

– Девочка моя, очнись, – тихий голос няни еле пробивался сквозь вязкую черноту болезненной дремоты.

Раз зовут, значит, что-то случилось! Елена с трудом разлепила веки и прошептала:

– Где я?

– В гостиной, – объяснила Тамара Вахтанговна. – Ты упала в обморок в коридоре, тебя принесли сюда. Мы всё уже знаем – старый мерзавец нам объявил. Девочки заперлись в тётушкиных покоях, а я здесь, с тобой.

– А дядя где?

– В кабинете Алёшином, в бумагах роется, – с отвращением бросила старая грузинка. – Небось всё подчистую выгребет, жадная скотина!

– Няня, а какое-нибудь подтверждение своим словам он предъявил?

– Да, газету показал, где списки погибших напечатаны. – Тамара Вахтанговна тяжело вздохнула. – Пойдём, я тебя в спальню отведу. Поплачь, милая! Сегодня мы все моего мальчика оплакивать будем. Но помни, теперь ты из детей старшая, а значит, сёстрам защита.

Старая грузинка не ошиблась – проплакав всю ночь, Елена встретила зарю другим человеком. Полная мечтаний и надежд юная барышня осталась в прошлом, а вместо неё появилась стойкая женщина, способная защитить своих младших сестёр от горя и напасти.

Утром, когда Елена под руку с тёткой, спустилась к завтраку, князь Василий уже сидел на хозяйском месте во главе стола.

– Отлично, вы пришли! А где остальные? – не здороваясь, осведомился он.

– Сёстры приболели, они остались в своих комнатах, – отозвалась Елена.

– Да?.. Ну ничего, поправятся, они мне пока не нужны. Я нашёл тебе жениха. Отличная партия! – Князь Василий засмеялся так, что у Елены мурашки побежали по коже.

– И кто же это? – стараясь, чтобы дядя не почувствовал её страха, промолвила княжна. Мерзкая улыбка дяди не сулила ничего хорошего.

– Князь Захар Головин! Жених – хоть куда: первейший богач в столице, ты ни в чём не будешь знать отказа.

– Это какой Головин?! – воскликнула побледневшая графиня Апраксина. – Захар Иванович ещё с моим покойным супругом в гусарах служил. Он?

– Да, жених немолод, но у него нет наследника и, чтобы родить сына, ему нужна молодая жена, – огрызнулся князь Василий.

– Но ведь Головин уже трижды вдовец! – Ужас, охвативший старую графиню, придал ей сил, она даже вскочила. – Старик уморил всех своих жён, последней было всего семнадцать, а она и двух лет с ним не прожила!

– Наша Елена всегда славилась отменным здоровьем. Я описал князю её красоту, и тот сразу решил жениться, даже отказался от приданого и наследства.

– Вот как, вы уже распоряжаетесь моим состоянием? – Елена осознала, что война объявлена, и сдаваться не собиралась. – Я не знаю, с кем вы и о чём договорились, но я ни за кого замуж не собираюсь и разбрасываться моими деньгами не позволю.

– Ну что ж, придётся мне сразу показать тебе, кто в этом доме хозяин!

Князь Василий подошёл к камину и взял с подставки кочергу. Сияя улыбкой, он повернулся к Елене и ударил её кочергой по ногам. Боль оказалась адской, и княжна рухнула на пол.

– Запоминай, кто в этом доме хозяин, – почти пропел ей дядя. – Я остановлюсь, когда ты попросишь пощады.

Улыбка не сходила с лица изверга, его удары становились всё сильнее, а взгляд всё счастливее.

– Не слышу, где «помилуй, дядя»? – спрашивал он, нанося очередной удар.

– Прекрати! Что ты делаешь?! – крикнула вбежавшая на шум Тамара Вахтанговна. Старушка кинулась к лежащей девушке и заслонила её собой.

– Отойди, – приказал князь Василий.

Он изо всех сил размахнулся и ударил, стараясь попасть Елене по голове, но рука его дрогнула, и кочерга разможила голову няне. Отчаянный крик старой графини отрезвил убийцу. Мгновение он постоял над окровавленным телом и вышел из комнаты.

Часа не прошло, как новый хозяин уехал в другое имение Черкасских – Бельцы.

«Откуда же взять силы? Не дай бог свалюсь, что будет с девочками?» – терзалась графиня Апраксина, весь день и всю ночь просидевшая у постели изувеченной Елены.

Бедняжка так и не пришла в себя. У княжны открылась горячка, она металась в бреду, выкрикивая то имя брата, то бессвязные угрозы дяде. Лицо Елены выглядело распухшим, словно шар. Страшной коростой покрывали его лиловые и чёрные пятна. Апраксина ощупала нос и лицевые кости своей питомицы – на первый взгляд всё было цело. Осмотрела графиня и изувеченное тело. Зрелище было страшным – сплошные синяки да отпечатки кочерги на ребрах. Как догадаться, что сломано? Пока Елена не придёт в себя, понять хоть что-то было решительно невозможно.

Старушка поднялась и позвала свою горничную Марфу:

– Посиди с княжной, я пойду к остальным.

Тяжело опираясь на трость, Апраксина вышла из комнаты. Княжны вместе с гувернанткой-англичанкой сидели в классной комнате. Перед ними стояли чашки с чаем и тарелки с остатками пирога. По крайней мере, девочек догадались покормить. Апраксина обняла своих подопечных и велела им ложиться спать в одной комнате. Решили перенести кровати

в спальню Долли. Поняв, что нужно делать, княжны и слуги приободрились, а старая графиня отправилась исполнять свой долг.

Из столовой уже вынесли большой персидский ковер и сейчас две молоденькие горничные оттирали следы крови с паркета. Апраксина позвала дворецкого Ивана Фёдоровича – умного пожилого человека из крепостных, освобождённого ещё дедом княжон Черкасских. Дворецкий всю жизнь проработал в Ратманово, и графиня знала, что может на этого человека положиться.

– Иван, гроб в церковь уже отвезли? – спросила она.

– Да, ваше сиятельство, отпевают Тамару Вахтанговну.

– Скажи, чтобы коляску для меня заложили. – Апраксина задумалась, а потом попросила: – И вот ещё что, зайди в мои комнаты, ты мне нужен.

Подопечные давно сделались для старой графини радостью и смыслом жизни: бездетная вдова, она нашла в княжнах сразу и дочерей, и внушек. Жизненный опыт подсказал Апраксиной, что дела их совсем плохи и князь Василий твёрдо решил обобрать племянниц, а та лёгкость, с какой он изувечил Елену и убил старую няню, не оставляла сомнений, что «опекун» не остановится ни перед чем. Уже не богатство, а жизни княжон оказались в опасности. Надо искать защиты, но где? Графиня слишком хорошо понимала, что будет значить слово светлейшего князя – хозяина обширных поместий – против слова старой вдовы, живущей теперь в Ратманово на птичьих правах. Власть примет сторону Василия. Однако ещё оставалась крохотная надежда: погибший племянник был крестником Екатерины Великой и другом детства нынешнего императора Александра I. Если просить защиты сёстрам Алексея Черкасского, то только у государя.

Апраксина взяла перо и принялась за письмо. Справилась она быстро: сообщила о требованиях, предъявленных дядей Елене, описала избиение княжны и убийство няни, а потом попросила защиты для своих питомиц и наказания для князя Василия. Закончив письмо, старая графиня его подписала. Чуть ниже добавила, что подтверждает её слова ещё один свидетель – вольный крестьянин Иван Петров, дворецкий из поместья Ратманово. Она как раз закончила, когда в дверях появился Иван Фёдорович. Графиня пригласила его войти и подала бумагу. Старый слуга не подвёл – не задавая лишних вопросов, он расписался и молча остался ждать указаний. Слёзы выступили на глазах старушки.

– Спасибо тебе, Иван, – с чувством сказала она и, спрятав письмо в ящик стола, наконец-то решилась: – А теперь поедem в церковь, к Тамаре Вахтанговне.

В церкви читали заупокойный чин. У стен жались перепуганные дворовые. Гроб с телом няни стоял закрытым.

«Господи, за что этой доброй и преданной женщине послана такая кончина?» – графиня молча перекрестилась. Ужас от внезапной и страшной смерти близкого человека оказался таким острым, что просто выжигал душу. Апраксина еле дождалась окончания службы – всё боялась упасть рядом с горбом. Наконец она подошла к батюшке и попросила:

– Отец Василий, если мы с княжнами не сможем прийти на похороны, помолитесь за нас о покойнице.

– Хорошо, ваше сиятельство, я всё сделаю. Не волнуйтесь! – пообещал батюшка.

Вытерев слёзы, графиня простилась с ним и поехала домой. Нужно было что-то решать с Еленой...

В комнате Елены горели свечи, а повеселевшая Марфа бросилась навстречу хозяйке.

– Ваше сиятельство, барышня в себя пришла!

И впрямь, Елена сидела в постели. Кожа на её скулах и лбу была рассечена, губы разбиты, но оба глаза уцелели. Обычно темно-голубые, скорее даже синие, сейчас они казались совсем светлыми на фоне лилово-чёрных синяков, полностью заливших глазницы.

– Элен, скажи, где у тебя болит, – попросила графиня. – Нам нужно понять, есть ли переломы.

– Может, если только в ребрах – их тронуть нельзя, но руки и ноги целы. – Елена говорила хрипло: язык её от запекшейся крови распух и еле двигался.

– А зубы? – графиня приподняла девушке голову и, осмотрев рот, обрадовалась: – Слава богу...

Из глаз старушки вдруг закапали слёзы:

– Няня сохранила тебе жизнь, отдав взамен свою.

Вслед за хозяйкой заплакала и горничная, и лишь глаза Елены остались сухими, теперь в них полыхала ненависть.

– Убийца поплатится! Тётя, я не успокоюсь, пока не отомщу, – пообещала княжна.

– Дорогая, это будет потом, а нам нужно подумать о том, что делать сейчас. Защитить нас может лишь государь, для всех остальных князь Василий – хозяин имения и ваш опекун. В губернии никто не полезет в семейные дела Черкасских – побоятся. Я написала письмо императору, но как его передать? – графиня расстроено вздохнула.

– Я поеду в столицу и напому государю, что наш брат был крестником его великой бабушки и его другом детства, а жизнь свою отдал за Отечество на поле брани! – воскликнула Елена.

– Но ты даже не можешь встать...

– Давайте попробуем, – предложила княжна и поднялась на ноги.

Оторвав руки от спинки кровати, она покачнулась, и Апраксина охнула:

– Больно?

– Это не важно. – Стиснув зубы, Елена прошлась по комнате, сначала медленно, потом всё уверенней. Наконец она попыталась коснуться ребер и сразу вскрикнула: – Ой! Больно... Здесь, наверное, трещины.

Старая графиня развела руками – её план оказался невыполнимым.

– Как ты поедешь? Василий проследит за тобой по почтовым станциям и силой привезёт домой, потом объявит умалишённой, а там... Даже подумать страшно... Ведь если ты умрёшь, и приданое, и наследство достанутся ему.

– Тётя, я одного не пойму: если князь Василий договорился с этим стариком на тех условиях, что сам нам изложил, зачем так меня уродовать? Ведь теперь князь Захар не согласится на этот брак, раз он хотел красивую. Здесь что-то не так...

Графиня явно смутилась, но всё-таки ответила:

– Не знаю, вправе ли я говорить такое молодой девушке, но пусть Бог простит меня. Про князя Захара плохие слухи ходят, в свете шепчут, что он любит истязать и насиловать очень молоденьких девушек. Боюсь, что с самого начала договорённость была не о тебе (у подобных извращенцев восемнадцатилетние не в чести), а о Долли или, не дай бог, о младших. Избивая тебя, Василий запугивал их.

У Елены от ужаса затряслись руки.

– Нужно немедленно увезти девочек. Только куда можно уехать, если всё теперь принадлежит дяде, да к тому же, как вы говорите, на почтовых станциях нам показываться нельзя?

– Я уже думала об этом, – с сомнением признала Апраксина, – но, боюсь, дело слишком уж рискованное! У меня есть подруга юности Мари Опекушина. Она живёт в ста пятидесяти верстах отсюда по дороге на Киев. Я знаю, что Мари жива и здорова, поскольку регулярно получаю от неё письма. Опекушина мне не родственница, и никому в голову не придёт искать нас в её имении. Мы могли бы выехать на столичный тракт, привлечь на почтовых станциях внимание, чтобы нас запомнили, а потом через просёлки свернуть на Киев. Ночевать можно в деревенских избах.

– Тётя, какая же вы умница! Только сделать нужно ещё хитрее: я переоденусь паренёком, тогда моему разбитому лицу никто не удивится – буду говорить, что пьяный отец избил, и поеду в Петербург к императору, а вы завтра же уедете к вашей подруге.

– Да разве ты доедешь до столицы в таком состоянии?

– Обязательно доеду! – пообещала Елена и распорядилась: – Ждите меня здесь.

С трудом натянув на избитое тело халат, княжна пошла в кабинет брата. Алексей, уезжая, отдал ей ключ от потайного ящика, вмонтированного в стену за портретом бабушки. Брат заказал этот ящик лишь год назад, и князь Василий не мог знать о существовании тайника.

Сняв портрет, Елена вставила ключ в замочную скважину, повернула его, как учил Алексей, три раза налево, а потом, протолкнув вперёд до основания, ещё два раза направо. Замок щелкнул, и дверца открылась. В ящике лежали драгоценности и деньги. Елена сложила всё в подол халата, закрыла ящик, вернула портрет на место и, захватив из стола шкатулку с дуэльными пистолетами, вернулась к себе в спальню.

– Вот, тётя, забирайте всё с собой, я возьму лишь оружие и немного денег, – сказала княжна и поторопила: – давайте собираться, вам надо уехать на заре, а я должна ускакать не позднее чем через час.

– Хорошо, дорогая, мы возьмём лишь самое необходимое, – решила графиня. – Пошлём Марфу подобрать тебе что-нибудь из вещей Алексея, а я пока напишу письмо к старшей сестре Мари Опекушиной, графине Савранской, та живёт в Петербурге одна и с удовольствием приютит тебя.

Елена отсчитала из принесённых денег жалованье английской гувернантке за год вперёд и написала ей рекомендательное письмо, а потом вернулась к зеркалу. Чёрное, распухшее лицо княжну не испугало. Подумаешь, красоты лишилась! Какое это имеет значение, если убили няню? Елена взяла ножницы и отрезала свои золотистые локоны до длины, подходящей мужчине – чуть ниже ушей. Выющиеся пряди тут же закрутились в крупные кольца. По крайней мере, причёска её больше не выдаст.

Марфа принесла и вывалила на кровать кучу плащей, сюртуков и панталон, оставшихся в поместье от юности брата Алексея. Елена выбрала из них самые заношенные и примерила на себя. Одежда оказалась широка, что было даже к лучшему – высокая девичья грудь под мешковатым сюртучком не привлекала внимания. Сапоги княжна надела собственные, а простую шляпу с широкими полями и низкой мягкой тульей позаимствовала у Ивана Фёдоровича.

Марфа предложила забинтовать рёбра куском сурового полотна и поверх него застегнуть широкий пояс с металлической пряжкой.

– Так и повязка не соскользнёт, и кости будут плотно сжаты, – объяснила она.

– Забинтуй, только под холст положи, пожалуйста, вот это, – попросила Елена.

Она подала горничной плотный кожаный мешок, где уже разложила деньги, письма, написанные графиней, и сапфировые серьги, подаренные когда-то бабушкой. Марфа примотала мешок к груди Елены, потом стянула ей рёбра поясом. Боль сразу притупилась и стало легче дышать. Кроме того, повязка скрыла грудь княжны, сделав ее совсем незаметной.

Положив в седельную сумку пистолеты, две пары мужского белья и немного еды, Елена сочла, что готова. Сёстры спали, и она не стала их будить. Поцеловав старую графиню, беглянка взяла сумку и пробралась в конюшню, где уже ждал Иван Фёдорович, оседлавший для неё любимца покойного брата – орловского рысака Ганнибала. Елена забралась в седло.

– Спасибо вам за всё, Иван Фёдорович! – крикнула она, ударила каблуками в бока коня и выехала в ночь.

Покойная няня сказала чистую правду: теперь Елена стала старшей и её жизнь целиком принадлежала сёстрам. Княжна знала, что расшибётся в лепёшку, себя не пощадит, но для блага семьи сделает всё возможное.

Глава третья

Неприятный сюрприз

Безумная храбрость – это зло или благо? Или разумная осторожность приносит больше выгоды?.. За последние две недели Елена часто задавала себе этот вопрос, уже не зная, выживет ли она или погибнет под холодным октябрьским дождём на пустынных дорогах воюющей России.

Сначала дела у беглянки складывались удачно: дядя не послал за ней погоню, а в деревнях, где Елена предлагала деньги, её пускали переночевать, продавали хлеб и корм для коня. Молчаливые крестьяне не задавали лишних вопросов, но чем дальше уезжала княжна от своей тёплой южной губернии, тем суровее становилась осень. Теперь, когда холод и дождь совсем измотали и её, и Ганнибала, Елена уже не раз пожалела, что, собираясь в дорогу, не продумала всё до мелочей, не подготовилась к непогоде и заморозкам.

Снова, как из ведра, хлынул промозглый осенний ливень. Силы Елены таяли, сознание ускользало. Она застыла, склонившись к шее Ганнибала. Сил держаться прямо уже не осталось, спасал лишь чудо-конь.

– Потерпи ещё чуть-чуть, мой герой. Видишь, уже показалась деревенька, тебе нужно проскакать совсем немного, – прошептала княжна.

Когда они рано утром покидали Калугу, небо выглядело ясным, и, хотя похолодало, Елена обрадовалась, что они не вымокнут. Ещё два дня пути по этой дороге – и они попадут в Марфино. Сначала княжна не хотела заезжать в имения Черкасских, боясь, что слуги выдадут её дяде, но из-за столь мучительной дороги сдалась. Ясно ведь, что в такую погоду верхом до столицы не добраться. Бедный Ганнибал совсем измучен, ему нужен отдых. Елена хотела попросить помощи у Ивана Ильича – управляющего самым большим подмосковным поместьем.

Сегодня к вечеру княжна задумала добраться до Малоярославца, но этот холодный дождь спутал её планы – он всё лил и лил. Одежда Елены вымокла, озноб колотил так, что стучали зубы, и лишь сила духа ещё удерживала её в седле. Серая деревенька, выступившая из-за пелены дождя, стала для неё последней надеждой. Решив постучаться в крайний дом, княжна вцепилась ледяными пальцами в гриву Ганнибала и попросила:

– Помоги, дружок, довези...

Глаза Елены закрылись, и она уткнулась головой в шею коня. Как будто осознав, что с его хозяйкой что-то не так, Ганнибал перешёл на шаг и, тихо ступая, двинулся в сторону села, аккуратно неся на спине маленькую согнутую фигурку. Чёрный туман, окутавший измученную княжну, унёс её в прошлое: из мглы памяти всплыли яркие картины счастливой жизни в Ратманово, и она вновь стала тринадцатилетней девочкой – любимой внучкой хозяйки имения.

«Надо же, я теперь на всё смотрю глазами бабушки, хотя сама осталась прежней», – удивилась Елена.

Анастасия Илларионовна Черкасская забрала к себе внучек после смерти старшего сына, Николая, и его второй жены, пережившей мужа лишь на несколько дней. Княгиня тогда решила, что посвятит девочкам остаток жизни, и с тех пор всю себя отдавала осиротевшим детям.

Время лечит, горе княжон притупилось, и Елена вдруг обнаружила, что рядом с бабушкой ей на удивление легко и очень уютно. Они понимали друг друга с полуслова, а иногда даже хватало и взглядов. В тот памятный летний вечер пять лет назад они сидели вдвоем в гостиной в Ратманово. Окна стояли открытыми, в саду благоухали розы, громко пели

цикады, и месяц заглядывал сквозь занавески. Елене было так хорошо, и она с любопытством спросила:

– Бабушка, почему мне с вами всегда так просто, даже иногда кажется, что вы думаете так же, как я?

– Посмотри вон туда – и ты всё поймешь, – засмеялась Анастасия Илларионовна и указала на портрет, висевший над камином. Там была изображена она сама – юная невеста перед свадьбой.

Внучка отмахнулась:

– Ну что смотреть?! Вы опять скажете, что я очень на вас похожа, но, может, это было в детстве, а сейчас это совсем не так. Вы там – красавица, а я высокая и худая, да и лицо у меня – самое обыкновенное.

Елене ещё не исполнилось четырнадцати лет, но она уже вытянулась, догнав в росте взрослых женщин, однако осталась худой, как щепка. Сама себе княжна не нравилась, но в глазах бабушки она читала лишь восхищение.

– Ты и впрямь очень похожа на меня в молодости, и поверь, станешь даже красивее. Подойди к зеркалу, присмотришься, тогда и поймешь, что в твоём лице, если хоть чуть-чуть что-нибудь изменить, обязательно будет хуже, ведь природа сотворила тебя совершенством. Ты унаследовала мой характер и мою жизненную хватку, поэтому мы с тобой и думаем одинаково. Надеюсь, что и жизнь свою ты проживёшь так, как прожила её я: красивой, счастливой и успешной.

Лицо бабушки вдруг стало белеть и расплываться. Елене показалось, что холодная рука схватила её за волосы и потащила прочь из тёплых летних сумерек Ратманово. Княжна вынырнула из чёрного тумана и не поняла, что с ней случилось. Она лежала на шее Ганнибалы, уткнувшись лицом в его мокрую гриву. Сквозь пелену дождя Елена с трудом различала серые избы – те были ещё немыслимо далеко. Наверное, она уже не доберётся до них живой...

Сознание вновь ускользнуло, и опять, как утешение умирающему, из ледяной тьмы всплыли радостные воспоминания: четырнадцатый день рождения.

Тогда с самого утра весь дом готовился к празднику: ждали гостей на детский обед и танцы, а вечером обещали фейерверк. К полудню вереница саней с закутанными в шубы детьми, их матерями и гувернантками, выстроилась около крыльца. Бабушка удалилась в свои комнаты, поручив надзор за гостями верной Тамаре Вахтанговне, и та забегала к хозяйке – докладывала, как проходит праздник. Когда же няня сообщила, что обед закончен и начинаются танцы, Анастасия Илларионовна вызвала внучку к себе.

– Да, бабушка! Вы хотели меня видеть? – прошептала счастливая Елена, с разбегу влетев в кабинет.

Княгиня поднялась с кресла, где коротала суматошный день, и взяла с каминной полки тёмно-синий бархатный футляр.

– Вот, дорогая, это твой дед подарил мне на свадьбу. Сегодня я передаю это тебе, – торжественно произнесла Анастасия Илларионовна и протянула футляр Елене.

Княжна открыла крышку. В затянутых синим бархатом углублениях лежали изумительной красоты серьги. Два огромных густо-синих овальных сапфира в филигранной оправе крепились к дужке алмазными бантами. Этими серьгами Елена ещё в детстве любовалась на старом портрете, а теперь они перешли к ней. Княжна засмеялась от счастья и бросилась на шею Анастасии Илларионовне.

– Это действительно мне? О, бабушка, как я вас люблю!.. Можно я надену их прямо сейчас?

Княгиня помогла вдеть серьги в уши и залюбовалась: оттенённые сапфирами, глаза Елены засияли ещё ярче.

– Беги к гостям, моя хорошая...

Княжна кинулась в бальный зал, а потом в сад, где уже сверкало новое чудо – фейерверк. Разноцветные звезды взлетали вверх, вбок, крутились колесом, а напоследок в чёрном зимнем небе засверкала огромная буква «Е». Дети хлопали, визжали, свистели, их даже не пугало присутствие грозной княгини. Елена так радовалась, стоя рядом с сёстрами среди заснеженных яблонь Ратманово. Потом звёзды фейерверка погасли, сад исчез, и княжну, возможно уже навсегда, поглотила холодная чёрная тьма...

Стемнело: плотные сумерки упали на раскисшую от дождей дорогу почти мгновенно. Медленно бредущий Ганнибал тихо нёс свою ношу к деревне. Вдруг тишину взорвал стук копыт – из леса показались трое всадников. Пара минут – и они нагнали бредущего коня.

– Ваше высокоблагородие, смотрите, да тут паренёк. Не помер ли? – Усатый драгун подхватил под уздцы Ганнибала.

Молодой офицер в плотном плаще, под которым белел мундир кавалергарда, снял с лица бесчувственного всадника бесформенную от сырости шляпу и с жалостью признал:

– Да он избит сильно! Посмотри, Кузьма, какие синяки.

Всё лицо парнишки испещрили пятна. Жёлтые по краям и чёрно-лиловые в центре застарелые следы ударов обезобразили юное лицо.

– Небось малец потому и сомлел, – предположил усатый драгун.

Он потряс юного всадника за плечо, но только сдвинул неподвижное тело, и оно начало сползать.

– Ну, надо же! – расстроился Кузьма. – Да он сейчас упадёт.

– Давайте беднягу ко мне, я доведу, немного осталось, – распорядился офицер.

Кузьма и второй молчаливый драгун спешили и, сняв юношу с уставшего серого коня, посадили впереди своего командира. Офицер одной рукой прижал к себе безвольное тело, а другой натянул поводья. Кузьма взял повод серого жеребца и вскочил в седло.

– А конь-то до чего хорош, давно я таких красавцев не видел! Только уж очень измучен... Но ничего, выходим, – распинался словоохотливый драгун.

Офицер дал сигнал трогать, и маленький отряд двинулся к околице. Они свернули к одному из крайних домов и спешили. Пока командир спрыгнул с коня, Кузьма придержал бесчувственного юношу, а потом помог занести его в дом. Больного положили на широкую лавку у печи.

– Иди в штаб-квартиру и приведи доктора Власова, – приказал офицер Кузьме. – А Мирону скажи, чтобы серого жеребца хорошенько накормил и ноги его осмотрел.

Драгун отдал честь и вышел. Его командир скинул плащ, кивер и подошёл к жарко натопленной печке. Прислонившись к горячим кирпичам, офицер задумался. В этой избе, отведённой для постоя адъютантам генерала Милорадовича, он пока жил один. Его напарника отправили в столицу с донесением, так что пока граф Александр Василевский мог располагать адъютантским жилищем по своему усмотрению. Можно было оставить несчастного подростка на отдых, а потом нанять экипаж и отправить его к родным или в госпиталь.

«Правильно дядя говорит, что все ненужные проблемы липнут ко мне, как мухи к чаше с мёдом», – признал граф и, вспомнив своего любимого дядюшку, улыбнулся.

Решив, что паренька нужно раздеть и согреть, иначе простуда тому точно обеспечена, Александр расстегнул совершенно промокший плащ, вытащил его из-под неподвижного тела и бросил к печке. Так же быстро сняв сюртук, который смело можно было выжимать, он взялся за пуговицы рубашки. Под ней тело юноши оказалось замотано плотным куском холста, закреплённым ещё и широким поясом с металлической пряжкой. Граф начал её расстегивать и ребром ладони ощутил чёткий квадратный выступ. Он снял пояс и развернул холст. На теле, покрытом разноцветными разводами ужасных синяков, лежал большой кожаный мешок для бумаг. Граф взял его в руки и... остолбенел. Его сразу же обдало жаром: высокая

грудь с поднявшимися от холода розовыми горошинами сосков не оставляла ни малейших сомнений в том, что он только что раздел девушку.

– Чёрт побери!.. – вырвалось у Василевского: по всему выходило, что на сей раз он влип очень серьёзно.

Глава четвертая

Александр Василевский

Граф Александр Василевский, единственное и обожаемое дитя в знатной и богатой семье, родился под счастливой звездой. Отец его послужил в своё время в гвардии, повоевал под началом великого Суворова, а потом, получив наследство после родителей и двоих бездетных дядьёв, стал так богат, что пришлось ему заниматься делами многочисленных поместий. Выйдя в отставку, Василевский-старший поселился в имении под Киевом и стал искать себе достойную невесту – скромную девушку, тихую, воспитанную и хозяйственную, способную родить мужу дюжину крепких и здоровых детишек. Но судьба рассудила иначе: на первом же балу в местном Дворянском собрании новоявленного жениха представили ослепительно прекрасной Марии Понятовской. Златокудрая и зеленоглазая польская княжна мельком улыбнулась Василевскому – и тот пропал. Как тень, следовал он за ней, а девушка лишь забавлялась, пока Василевский не набрался храбрости попросить её руки, да не у самой княжны, а у её старшего брата – опекуна.

– Я поеду к князю Ксаверию и вымолю у него согласие, чего бы мне это ни стоило! – объявил Николай Василевский своим друзьям и отправился в Лифляндию.

Надо признать, что князь Ксаверий Понятовский слыл в округе человеком необычайно своеобразным. Принадлежал он к младшей из многочисленных ветвей этого знаменитого рода, давшего Речи Посполитой её последнего короля. При разделе Польши в 1772 году владения семьи оказались раздробленными. Часть имений отошла к России, а часть – к Пруссии. Отец семейства решил вместе со старшим сыном принять прусское подданство, а младшего отправить в Россию. Выполняя отцовскую волю, князь Ксаверий выехал на постоянное жительство в большое имение под Динобургом в Лифляндии, принял российское подданство и, решив, что долг он исполнил и теперь может заниматься всем, чем хочет, посвятил свою жизнь изучению античной культуры.

Смерть отца, случившаяся двенадцать лет спустя, преподнесла Ксаверию сюрприз. Старый князь назначил младшего сына опекуном своей единственной дочери – Марии. Он передал с девушкой приданое – сорок тысяч золотых талеров – и завещал выдать её замуж в России с тем, чтобы старший сын княжны стал неженатому Ксаверию наследником. Мари переехала к брату и нарушила его такую приятную уединённую жизнь, полную размышлений над трудами античных авторов.

– Меня все любят, и ты тоже привыкнешь, – заявила Мари сразу же по приезде, и её брат впервые в жизни не нашёлся что ответить.

И вот теперь он – убеждённый старый холостяк – должен был найти мужа этому легкомысленному созданию. Князь считал эту задачу невыполнимой, но, верный своему долгу, взялся за её решение. Отправив Мари в Киев к жене соседа-помещика, вывозившей в этом сезоне свою дочь, и заплатив за услугу столько, что оборотистая дама сшила множество туалетов обоим барышням, не потратив ни копейки из собственных средств, князь Ксаверий наслаждался наступившей в доме благословенной тишиной. Он ждал сестру обратно весной следующего года, искренне считая, что ни один здравомыслящий человек не женится на девушке с полным отсутствием качеств, необходимых покорной жене и рачительной хозяйке дома.

Каково же оказалось его удивление, когда жарким летним днём 1783 года по мощёной площадке перед его двухэтажным готическим домом зацокали копыта запряжённой цугом четверни, и новенький дорожный экипаж остановился напротив крыльца. Красивый брюнет в голубом с серебром камзоле попросил слугу доложить хозяину, что граф Василевский

хочет видеть его по неотложному делу. Недовольный тем, что его оторвали от чтения Плу-тарха, князь Ксаверий вышел в гостиную и увидел визитёра, в волнении шагающего вдоль стены.

– Ваша светлость, позвольте представиться, я – граф Николай Василевский, – начал гость и ту же воскликнул: – Я приехал поговорить о деле, имеющем для меня огромную важность! Я люблю вашу сестру и прошу её руки.

Князь Ксаверий рухнул в кресло и, лишь придя в себя от изумления, задал гостю главный вопрос:

– Вы богаты?

– Да! У меня есть четыре имения в Киевской губернии и два – в Тверской. Ваша сестра никогда ни в чём не будет нуждаться.

– Я согласен, – изрёк князь Ксаверий и пожал руку счастливому жениху. – А за сестрой я даю хорошее приданое – сорок тысяч золотом.

Он вызвал поверенного, и через час брачный договор был подписан. Князь набросал письмо даме, опекавшей Мари, сообщив, что её услуги по поиску жениха больше не требуются, а граф Василевский поехал в Киев готовиться к свадьбе.

Узнав, что брат всё решил, не спросив её мнения, прекрасная княжна сначала устроила несчастному жениху головомойку и отказалась его видеть. Но потом догадалась, что, сама того не ведая, поймала в сети самого богатого жениха сезона, и сменила гнев на милость. По желанию невесты граф Николай оплатил самую роскошную свадьбу, какую только видели в Киеве за последние пятьдесят лет, после чего увёз свою ненаглядную супругу в свадебное путешествие по Европе. Молодая графиня домой не спешила. После Европы она пожелала посетить Петербург, где захотела приобрести дом. Все её прихоти выполнялись супругом беспрекословно. Прекрасный особняк на Английской набережной Мари получила в подарок за рождение наследника, названного Александром.

– Мой сын будет служить в гвардии, – радовался счастливый отец, глядя на маленький свёрток, лежащий на руках у матери.

– Только этого мне и не хватало, – осадил мужа графиня. – Сын – твой наследник, он всегда будет дома со мной и нигде служить не станет.

Мальчик оказался копией своей красавицы матери, за что оба родителя любили его ещё больше. Годы непрерывного обожания должны были полностью испортить характер ребёнка, но после десятого дня рождения маленького графа Василевского, широко отмеченного семейством в имении под Киевом, его мать заболела. Лучшие врачи из обеих столиц приехали к её постели, но приговор был у всех один – чахотка. Семья срочно уехала в Италию, где граф купил для своей Мари виллу на берегу моря. Но три года мучительной борьбы с болезнью закончились смертью бедной графини. Безутешный муж пережил её лишь на год и умер от горя, которое пытался заливать крепким малороссийским самогоном. К счастью, незадолго до смерти он успел назначить опекуном своего сына князя Ксаверия. Так Александра привезли в Лифляндию.

– Добро пожаловать, мой мальчик! – приветствовал его дядя, встречая, но ответа не получил.

Четырнадцатилетний Александр пребывал в таком тяжёлом нервическом состоянии, что князю Ксаверию пришлось отложить все свои любимые дела и заниматься лишь племянником. Когда через месяц Александр начал отвечать на вопросы, а через два – разговаривать, дядя поймал себя на мысли, что его уже не так тянет к древним книгам. Общаться с умным и тонким подростком оказалось гораздо интереснее, чем читать в одиночестве. Князь занялся обучением племянника, выписывал учителей и гувернёров, но никто из них не занимался с Александром больше, чем он сам.

Благодаря дяде граф Василевский получил классическое образование. Он говорил и писал на трёх европейских языках, а также на латыни и по-гречески, прекрасно знал математику, историю и философию. Не желая расставаться с племянником, князь Ксаверий даже поехал в Германию, где Александр два года проучился в Гейдельбергском университете.

Но, как ни противился дядя, молодой граф рвался в армию, и никакие уговоры не могли его остановить. Наконец князь Ксаверий смирился с его решением и счёл за благо тряхнуть тугим кошельком, чтобы получить для племянника назначение поручиком в гвардейский кавалергардский полк. Александр отбыл в Петербург, а его дяде пришлось вновь вернуться в компанию Плутарха.

Два года спустя Ксаверий получил сообщение из Пруссии. Семейный нотариус писал князю, что тот после смерти своего брата Станислава унаследовал всё имущество семьи, к письму был приложен указ короля Пруссии, закрепляющий за Ксаверием титул князя Понятовского в его королевстве.

– О-го-го!.. – глубокомысленно протянул Ксаверий и вызвал поверенного. Он составил новое завещание, по которому всё своё имущество, теперь уже в России и Пруссии, оставлял графу Василевскому, а сам поехал в Петербург просить государева согласия на передачу по наследству и титула. Три месяца хлопот увенчались успехом, и Ксаверий получил долгожданный указ. Не ставя племянника в известность, он проделал то же самое в Берлине, и теперь во всех его письмах к Александру настоятельно звучала лишь одна просьба: жениться и дать семье наследников.

Первые годы службы показались Александру сплошным праздником. Отличившись в зарубежном походе 1805 года и героически сразившись под Аустерлицем, его полк больше не участвовал в походах, а стоял на квартирах в Петербурге, неся службу по охране августейшей семьи. Молодцы-кавалергарды, все как один представители лучших семей России, были желанными гостями в высшем свете столицы, но сами предпочитали офицерские пирушки с игрой по-крупному. Князь Ксаверий предложил племяннику пожить в материнском доме на Английской набережной (нужно же где-то мальчику отдыхать от казарм). Старому философу даже в голову не могло прийти, что вместе с племянником в роскошный особняк, с такой любовью обставленный покойной графиней, заедут все офицеры кавалергардского полка, а также их друзья и знакомые.

– Александру ничего не жаль для товарищей! – считала вся столичная молодежь, прочно обосновавшаяся в доме графа Василевского, и это было истинной правдой.

Александр любил женщин, а те обожали его. Высокий и златокудрый, с лицом, как будто сошедшим с римской фрески, он унаследовал внешность своих польских предков. Стройный, с длинными сильными ногами, он двигался с грацией тигра. Когда граф танцевал на балах, немало женских глаз с немym восхищением взирало на этого античного бога с яркими зелёными глазами. Но благородные дамы Василевского не интересовали, зато через особняк на Английской набережной прошла длинная вереница актрис, балерин, певиц, а то и просто куртизанок. Ни одна из метресс не задержалась здесь надолго, но каждая, удаляясь, уносила с собой утешительный приз в виде полного кошелька и шкатулки, набитой драгоценностями.

– Женщины не должны питать никаких иллюзий, иначе они сразу сядут на шею, – часто говорил Александр друзьям. Сам он следовал этому правилу неукоснительно.

Прослужив в гвардии шесть лет, Василевский уже не так восторженно относился к прелестям весёлой офицерской жизни, да и, честно сказать, он устал от обожания своих товарищей, кутежей и вечного беспорядка в доме, превращённом в офицерский клуб. Может, дядя предугадал это или просто оказался мудрым, но он вновь изменил жизнь Александра, прислав коротенькое письмо, где предупреждал племянника о своём приезде в столицу.

Александр кинулся приводить дом в порядок и еле-еле успел переселить на квартиру очередную любовницу – французскую танцовщицу. Дядя прибыл в назначенный срок, и Александр с горечью заметил, как сильно Ксаверий сдал. Они обнялись, а старый князь даже прослезился, сказав:

– Дорогой, ты всегда был похож на мать, а теперь, став взрослым, превратился в копию своего деда Игнатия. В нашем доме в Мариенбурге висит его большой портрет, вы – просто одно лицо.

Александр проводил дядю в его комнату, а сам спустился в столовую. Домоправитель расстарался, и к приезду дорогого гостя всё в доме сверкало: следы офицерских пирушек исчезли, приятно пахла натёртая воском мебель, яркими красками цвели ковры, а безукоризненный порядок и вышколенная прислуга казались завершающими мазками на образцовой картине добропорядочного столичного дома.

Александр вдруг подумал, что, оказывается, так хорошо, когда рядом с тобой лишь близкие и родные... Хватит с него разгульной жизни!.. Нужно уговорить дядю остаться в столице.

Князь Ксаверий вошёл в столовую, и Александр с сожалением заметил, что дядя сильно хромает. Что это за болезнь, опасная или не очень? Василевский решил не портить ужин нескромными расспросами, и старый князь был, похоже, этому рад. Дядя заговорил откровенно, лишь когда они перешли в кабинет и остались одни:

– Саша, я уже очень немолод и совсем не здоров. Ты знаешь, что мой старший брат умер, но я тебе не говорил, что все наши владения в Пруссии и титул отошли ко мне, а потом достанутся тебе. Это – большие владения, да ещё наследство, полученное тобой от отца. Моих сил рачительно управлять всем имуществом уже не хватает. Ты должен забрать дела в свои руки. Прошу тебя, выйди в отставку и начинай заниматься имениями. Ты теперь – наследник трех титулов, а значит, должен жениться и завести детей. Если у тебя будет трое сыновей, ты сможешь поступить так же, как мой отец, и разделить титулы на троих.

Александр ужаснулся. Он уже не мыслил себя вне гвардии и поспешил отказаться:

– Боже, дядя, это так не ко времени! Я служу, все говорят о скорой войне с французами. Как я могу бросить сейчас товарищей?

– Война, говоришь? Тем более! Ты в ответе перед семьёй: если ты погибнешь, два рода угаснут, а имения отойдут в казну, – не сдавался дядя.

– Но вы пока отлично справлялись, – слабо отбивался Александр, понимая, что попал в ловушку.

– Я болен, ноги почти не ходят, и неизвестно, сколько я ещё проживу. Я надеялся увидеть хотя бы первого твоего ребёнка. – Старый князь вздохнул и пожаловался: – В этом году я не смог объехать поместья, здоровье не позволило. Боюсь, что ещё год-другой такого управления – и ты останешься нищим...

Князь Ксаверий смотрел так грустно, как будто уже стоял на краю могилы, и Александр осознал, что обречён. Единственное, что он смог вымолить, так это отсрочку своей отставки:

– Я не могу сейчас написать рапорт – меня сочтут трусом. Поэтому я предлагаю такой план: вы ещё года два управляете всем нашим хозяйством, а я срочно начинаю искать невесту. Как только я найду хорошую девушку, то сразу женюсь. Что вы об этом думаете?

Старый князь улыбнулся. Он достиг своей цели и решил ковать железо, пока горячо:

– Обещай, что ты обручишься в этом году, тогда я соглашусь.

– Обещаю, – поклялся Александр и уже в ответ потребовал сам: – Но вы останетесь со мной в столице.

Так князь Ксаверий поселился на Английской набережной.

Оставив дядю на Английской набережной, граф Василевский смог наконец-то вернуться в полк. Уговор есть уговор, и Александр решил начать поиски невесты, но всё откладывал со дня на день, предпочитая коротать время в казармах.

Через две недели всё оставалось по-прежнему, но совесть нашёптывала Александру, что он ведёт себя нечестно – ведь нужно держать слово. Впрочем, судьба пожалела беднягу-кавалергарда и выпустила его из ловушки: командование полка прикомандировало Василевского к штабу Первой армии генерала Барклая-де-Толли.

– Я выполню обещание, когда вернусь, – поклялся Александр дяде и выехал в ставку в рядах многочисленной свиты императора.

По прибытии в Вильно Александр поселился в трехэтажном каменном доме вместе с офицерами других гвардейских полков и с лёгким сердцем занялся армейской рутинной. Как же ему нравилась такая жизнь!

Но в июле случилось то, чего все давно ждали и боялись – Наполеон напал на Россию, и, несмотря на всеобщую уверенность в неотвратимости этого события, русские войска оказались к вторжению не готовы. Первая армия начала отступление в глубь страны, вместе с ней двигалась и Ставка главнокомандующего. Василевский по-прежнему оставался в свите императора. До Полоцка они добрались вместе с армией, но потом государь принял решение возвращаться в Петербург. Василевскому повезло – он успел добраться до столицы за два часа до выступления своего родного полка на соединение с основными силами армии. Первым боем у кавалергардов оказалось Бородинское сражение...

...Полк вышел из битвы с ужасными потерями: командир, которого все так любили, был убит. Больше половины офицеров и рядовых погибли, а большинство выживших оказались ранены. Остатки полка отвели в тыл для переформирования, но Александр, не получивший под Бородино ни царапины, рвался в бой. Его товарищ по эскадрону барон Миних принёс известие, что генерал Милорадович собирает из разрозненных частей и свежих полков новый боевой кулак, чтобы закрыть французам путь на Калугу и Тулу.

– Попробуем! Что мы теряем? Может, Милорадович нас возьмёт, вот тогда и отомстим за наших, чтобы французам тошно стало, – предложил Миних. Александр его сразу поддержал.

Чести служить под началом легендарного Милорадовича сейчас добивались толпы офицеров, но, видно, кавалергардов вела сама судьба: Генерал взял их обоих себе в адъютанты. Месяц спустя русские полки впервые наголову разбили французов и погнали неприятеля обратно к сожжённой Москве. Теперь штаб Милорадовича разместился в маленькой деревеньке Величково под Малоярославцем. На днях фельдмаршал Кутузов обещал дать здесь большое сражение основным силам французов.

Зная о предстоящем бое, Александр растерялся. Глядя на бесчувственную, избитую девушку, он не мог сообразить, что ему теперь делать. Ясно было одно: оставить её на произвол судьбы он не мог. Василевский взял с печи лоскутное одеяло, накинул его на обнажённое тело и отошёл подальше. Надо дождаться доктора, а там видно будет.

Глава пятая

Лихорадка

На крыльце послышались голоса, кто-то сильно потопал сапогами, стряхивая снег, дверь отворилась, и в комнату вошёл полковой доктор Власов. Круглолицый и румяный, очень высокий – настоящий великан – он уже лет семь служил полковым врачом при одном из гвардейских полков, но после Бородино сам попросился в авангард и оказался у Милорадовича. За месяц общей службы доктор крепко сдружился с адъютантами командующего, и сейчас Александр очень надеялся на его поддержку.

– Миша, помоги! – увидев друга, вскричал Василевский. – Чёрт знает что, а не ситуация! Я нашёл в лесу избитого паренька, он был без чувств, а может, уже и при смерти. Привез малого сюда, а когда снял с него мокрую одежду, то увидел, что это девушка. Выручи, посмотри, что с ней.

Доктор хмыкнул:

– Ну, ты даёшь! Смотри, ребята узнают, проходу тебе не будет, остротами изведут.

Власов подошёл к больной, приподнял одеяло и ужаснулся:

– Бог мой, какой же изверг это сделал?! Бедняжка от чего угодно могла сомлеть. Может, есть разрывы внутренних органов, тогда смерть – лишь вопрос времени.

– Она ехала верхом и лишилась чувств, держась за гриву коня, – напомнил Александр. – Синяки кажутся мне застарелыми, они кое-где уже посветлели, да и болячки тоже подсохли.

– Твоими устами, да Богу в уши! Давай, осмотрю твою находку, – сказал доктор, снял шинель и открыл свой саквояж.

Решив, что бережёного Бог бережёт и лишних глаз ему сейчас точно не нужно, Александр смастерил засов из черенка стоявшей у печки метлы и запер дверь. Доктор тем временем положил ладонь на лоб больной.

– Да она горит вся! Думаю, от переохлаждения... Надо послушать лёгкие...

Власов достал большую костяную трубку и приставил её к груди девушки, потом, велев Александру взять больную за плечи и перевернуть, долго выстукивал спину.

– Хрипы слабые, похоже на воспаление легких, но в самом начале. Лекарство для неё сейчас одно – тепло на легкие, и нужно снимать жар. Обтирай больную. Она ещё молодая, сердце не ослабело, так что должна выжить.

С помощью Александра доктор полностью раздел девушку и стал прощупывать кости, потом поднял веки и осмотрел зубы.

– При таком ужасном избиении ей сильно повезло – кости и глаза целы. Так что, если твоя гостыя переживёт горячку, всё будет хорошо. Одного я не пойму, что ты собираешься с ней делать? – спросил доктор. – Я завтра утром уезжаю в Ставку, будем решать, где госпиталь развёртывать, сам понимаешь – сражение на носу. Все считают, что до боя осталось не больше недели.

– Но не могу же я выбросить больную на улицу! – возмутился Александр. – Отправить её к родным? Так они мне неизвестны.

– А при ней были какие-нибудь документы?

– Точно! – обрадовался Александр, успевший забыть о найденном мешке.

Разыскав мешок Василевский развязал шнурок.

Внутри лежали кошелек с золотыми червонцами, два конверта (один совершенно чистый, а другой – адресованный графине Савранской, в столичный дом на Литейном проспекте) и изумительной красоты серьги: к изящным алмазными бантам крепились крупные овальные сапфиры в филигранной оправе.

– Под нашей больной был замечательный конь, вот лежит кошелёк, полный золота, её серьги стоят целое состояние, она везёт письмо к знатной даме – значит, девушка не из простых, – рассудил Александр и взгляделся в обезображенное лицо своей гостьи. – Одно непонятно, как же её могли так изуродовать?

– Пока она не очнётся, мы ничего не узнаем, – отозвался доктор. – Но она может умереть, так и не придя в сознание. Единственное, что я могу тебе посоветовать: оттяни ей уголок рта и по ложке влей немного водки, чтобы перебороть простуду. Держи барышню на лежанке, а печь хорошо топи. Клади на голову холодный компресс, а тело обтирай той же водкой. Если за три дня твоя гостья не придёт в себя, отправляй её в Калугу, а там сдай монахиням. Может, они её и выхоят.

Доктор попрощался и ушёл. Александр с жалостью посмотрел на распростёртое на лавке несчастное создание и стал устраивать для больной постель. В избе имелось лишь одно лоскутное одеяло. Совсем тонкое, оно не защищало от холода, но могло послужить покрывалом на печной лежанке. Василевский расстелил его на печи. Достав из седельных сумок бутылку водки, он разорвал одну из своих нижних рубаш на лоскуты и стал обтирать горящее в лихорадке тело.

Обезображенное синяками, оно, как ни странно, не казалось отталкивающим. Более того, оно оставалось красивым. Довольно высокая и тонкая в кости, барышня была изящной, но не худой. Её высокая грудь и плавно расширявшиеся от тонкой талии бедра подсказали Василевскому, что больной не меньше восемнадцати. Увиденное навело его на совсем неприличные мысли.

«Стыдно, право слово!» – мысленно обругал он себя.

Александр натянул на больную последнюю из своих нижних рубаш, отнёс девушку на лежанку, а сверху укрыл офицерским плащом. Положил на лоб холодный компресс и, как научил доктор, влил в рот с ложечки немного водки. Что делать дальше, Василевский не знал. Печка уже остывала, он подбросил в неё пару поленьев и дождался, пока они разгорелись. Поужинав куском хлеба, Александр отхлебнул водки из початой бутылки и стал устраиваться на ночлег.

Он растянулся на лавке и постарался заснуть. Лежать оказалось жёстко и холодно. Василевский встал, чтобы проверить свою подопечную, и увидел, что ту колотит озноб. Это было ужасно. Александр испугался. Что же делать?.. Одежда незнакомки не высохла, а укрыть её поверх плаща было нечем. Оставалось одно: греть самому. Александр залез на печку, лёг рядом, устроил голову больной на своём плече, крепко прижал к себе горячее тело, пытаясь унять дрожь. Участь замёрзнуть этой ночью ему точно не грозила. Бедняжка пылала как в огне. Понадобилось не менее получаса тесных объятий, прежде чем дрожь прекратилась, и больная затихла, а самого Александра эта положение взбудоражило так, что он уже не смог заснуть. Разыгравшееся воображение рисовало ему сцены одна обольстительнее другой, и он держался из последних сил.

«Интересная девица... Кто она?»

Василевский попробовал представить, как выглядела незнакомка до этого ужасного избиения, но у него ничего не получилось. Под утро он наконец задремал, и ему приснилась незнакомка с лицом, закрытым золотистыми кудрями, женщина сливалась с ним в страстных ласках, и это было бесконечно, феерически прекрасно!

Как же бесконечно холодно! Даже сердце заledenело, как оно ещё умудряется биться?.. Холод сводил Елену с ума. Она вдруг поняла, что умирает и никогда уже не вырвется из туманного чёрного ледника. Но вот кто-то добрый протянул ей руку и обнял. Слава богу, он нашёл её и теперь вытянет из ледяной ямы. Елена вцепилась в плечи спасителя. Объятия становились всё крепче, они согревали, кровь просто вскипала в жилах. Только бы спаситель не бросил её! Княжна прижалась к его груди и обняла. В ответ он погладил теплой рукой ей

спину. Елена удивилась и открыла глаза. Серый свет раннего осеннего утра еле пробивался сквозь низкое окошко крестьянской избы. Елена лежала у тёплой печной трубы в объятиях красивого блондина в белом мундире, и не просто лежала – а сама обнимала его. В блестящих зелёных глазах офицера мелькнуло удивление, потом он улыбнулся и сказал:

– Наконец-то вы пришли в себя! Я нашёл вас вчера без памяти на дороге за околицей, вы сильно простудились и до сих пор горите. Скажите, кто вы и почему оказались в таком положении?

Елена не спешила с ответом. Не в силах вынести взгляд незнакомца, она прикрыла глаза. Но отпустить шею, которую обнимала, ей не хотелось. Странное ощущение не покидало княжну: казалось, что до этого мгновения не было никакого прошлого, а после него не будет и будущего, истиной стало то, что происходило сейчас. Елене вдруг сделалось ясно, что на самом деле её жизнь закончилась, а прошлое... Какая разница, что прежде было, если впереди-то нет совсем ничего?

«Я умру», – княжну саму поразило, насколько она спокойна.

Но сейчас она ещё была жива. Тело мужчины оказалось приятно тёплым, а его объятия дарили блаженство. Елена была так благодарна этому красавцу, но мысль о князе Василии отрезвила ее: «Дядя – страшный негодяй и не только не постесняется испортить другому человеку жизнь, а ещё и порадуетсся сделанной подлости», – напомнила она себе.

Нужно оградить прекрасного спасителя от любых подозрений. Если он не будет знать правды, ему не придётся лгать. Княжна вспомнила девичью фамилию бабушки и, схитрив, объяснила:

– Меня зовут Елена, моей бабушкой была графиня Салтыкова... Я направляюсь в столицу... Помогите найти моего коня, и я уеду.

– Но это совершенно невозможно! Доктор сказал, что у вас началось воспаление лёгких. Вы всё ещё горите, а вчера у вас был сильный озноб, я уже и не знал, что с этим делать. Всё перепробовал, ничего не помогало, пока не согрел вас своим телом, – объяснил Александр. В ожидании ответа он всмотрелся в темно-голубые глаза больной и вдруг вспомнил, что забыл представиться. – Простите, я не назвался, – повинился он. – Граф Александр Василевский, адъютант генерала Милорадовича. Сейчас мы с вами находимся в деревне Величково, рядом с Малоярославцем.

Александр всматривался в лицо больной. Почему она молчит? Может, опять лишилась чувств? Нет. Глаза открыты, взгляд понимающий. Пришлось повторить главный вопрос:

– Может, вы скажете мне, что с вами случилось?

Елена в смущении потупилась. Она не собиралась раскрывать постороннему мужчине правду о дяде и его преступлениях – это дело касалось лишь её семьи, но и врать не хотелось. Наконец она собралась с мыслями и сказала:

– Простите, ваше сиятельство, я не могу объяснить, кто меня избил и почему. Это тайна. Через два дня пути по этой дороге стоит имение моих знакомых, там я хотела переодеться и переодеться в женское платье, а оттуда на почтовых добраться до столицы.

– Но там, куда вы собрались, стоят французы. Они покидают Москву: несколько дней назад Кутузов не пропустил их по старой Калужской дороге, теперь неприятель переходит на наш тракт и скоро появятся здесь. Вы не смогли бы проехать мимо французов, даже если бы оказались здоровы, – объяснил Александр. Заметив, что из глаз больной брызнули слёзы, поспешил её успокоить: – Не нужно плакать, я что-нибудь придумаю. Это ваше имение – оно находится прямо у дороги или нужно ещё сворачивать?

– Оно довольно далеко. С дороги нужно свернуть направо и ехать пару часов, – всхлипывала Елена, она не вытирала слёз, потому что не могла заставить себя разомкнуть руки, обвивавшие шею спасителя. Казалось, что, сделав это, она опять провалится в холодный чёрный туман.

– А на старую Калужскую дорогу из этого имения можно выехать? – уточнил Александр. Он сам протянул руку и осторожно вытер слёзы на щеках девушки.

– Да, имение находится посередине между этими двумя трактами. Из него можно выехать на любой из них.

– Значит, как только спадёт жар, я отправлю вас по старой Калужской дороге, там вы уж точно не столкнетесь с французами. Вам просто нужно выздороветь, чтобы можно было ехать в коляске.

Как сквозь вату, слушала его Елена. Василевский говорил какие-то слова, и она даже всё понимала, но её отвлекал зов тела. Откуда взялась эта чувственная дрожь, откуда эти тёплые волны? Сознание как будто раздвоилось. Сейчас в Елене жили две девушки: одна слушала своего спасителя, а другая думала о том, что раз она обезображена, то ни один мужчина не захочет сделать её своей, тем более этот красивый, как античный бог, зеленоглазый граф. Если бы Елена смогла вернуть красоту и предложить её своему спасителю, пусть всего лишь один раз! Ведь воспоминания об этом коротком счастье остались бы с ней навсегда, хоть на этом свете, хоть на том...

«Господи, окажи милость, разреши мне узнать женскую долю», – мысленно попросила княжна и тут же ужаснулась. Что она такое несёт? Просит у Небес разрешения на грех?!

«Ну и что? Я не виновата в том, что изуродована. Я хочу стать такой же, как все...»

Елена крепче прижалась к Василевскому и вдруг осознала, что в её живот уперлась твёрдая плоть. Неужели судьба даёт ей шанс, и теперь осталось только сделать выбор?.. Да или нет?.. На одной чаше весов лежали вся прошлая жизнь и безупречное воспитание светлейшей княжны, а на другой – это мгновение, может, последнее в жизни.

«Да», – решила Елена и храбро сказала:

– Я, наверное, не выживу... Пожалуйста, если я тебе не противна, будь со мной.

Княжна не заметила, как перешла с Василевским на «ты», и её не волновало, что он о ней подумает, она хотела лишь одного: узнать, что значит быть женщиной в объятиях этого полубога в кавалергардском мундире. Вот только он не спешил с ответом. Елена не могла прочесть его мысли. Неужели откажет? И не важно, какие резоны приведёт красавчик-кавалергард, это всё равно будет унижительно!

Но Александр легко поцеловал её разбитые губы и лишь тогда спросил:

– Тебе не больно?

Больно?.. Наверное, но чуть-чуть... Впрочем, покалывание под болячками, сделало этот поцелуй даже острее. Елене вдруг показалось, что её кожа осталась пустой оболочкой, а всё внутри стало сжиматься, пока не превратилось в одну тяжёлую раскалённую точку где-то глубоко внутри. Княжна, наверное, умерла бы на месте, если б Александр сейчас оттолкнул её, но этого не случилось. Смерть незримо стояла в углу маленькой деревенской избушки, готовясь забрать жизнь женщины. А что же мужчина? Он тоже жил одним днём: вдруг в следующем сражении придётся сложить голову?..

Мундир полетел на пол, за ним последовали лосины, и Василевский прижал к себе пылающее тело.

– Ты уверена?

Его вопрос утонул в поцелуе. Граф стянул с Елены рубашку и стал легонько поглаживать ей спину. Её кожа оказалась на ощупь гладкой и шелковистой, и если не смотреть, то невозможно было догадаться, что всё тело испещрено желтовато-лиловыми подтёками.

– Тебе правда не больно?

– Что ты, мне очень хорошо, – прошептала Елена.

Она не узнавала себя: исчезли страх и стыд, казалось, что горевший внутри огонь сжёг всё, оставив лишь неутолённое желание.

«Наверное, я порочная», – мелькнула отчаянная мысль и... исчезла. Потому что стало безумно хорошо, и Елена откуда-то знала, что дальше будет ещё лучше. Может, Василевский прочитал её мысли, а скорее всего, просто был опытным любовником, но он всё понял. Александр стал целовать её грудь, и наслаждение сделалось таким острым, что Елена закричала. Зелёные глаза любовника ярко сверкнули, он рукой раздвинул складки её лона и погладил его. Жидкий огонь разлился по жилам, выгнув Елену дугой.

– Пожалуйста... – выдохнула она.

Александр запечатал ей рот поцелуем и овладел ею.

Елена вела себя так страстно, что Василевскому и в голову не пришло, что она может оказаться девственницей. Когда же она, вскрикнув от боли, дёрнулась, он в нерешительности замер. Однако барышня сама прижалась к нему, приглашая продолжить, и Александр уступил. Елена мгновенно подхватила ритм. Откуда в ней это взялось? Наверное, помогло древнее чутьё женщин. Она сомкнула ноги на поясице своего любовника, стараясь слиться с ним, втянуть его в своё тело, и сама прибавила темп. Волна яркого наслаждения накрыла её. Елена закричала и... услышала хриплый стон любовника. Он придавил её своим телом к печной лежанке, и у её груди застучали мощные удары мужского сердца.

Сколько пролежали они, обнявшись? Елена об этом даже не думала. Она была счастлива. Вот бы не размыкать этих объятий! Да за это можно отдать всё на свете!.. Хотя... А почему бы и нет?.. Конечно, долг звал Елену прочь отсюда, но один-то денёк можно было украсть у судьбы и для себя. Всего один – на всю оставшуюся жизнь.

Александр мягко подsunул руку ей под голову и обнял. Елена вдруг отчего-то поняла, что он уже принял решение, и она даже знала какое. Его вопрос подтвердил её опасения:

– Почему ты мне не сказала, что у тебя ещё не было мужчин?

Пришлось сказать правду:

– Я боялась, что ты меня не захочешь, ведь я обезображена, не хотела давать тебе лишний повод для сомнений.

– Я просто не спешил бы так. Я хотел тебя всю ночь. Даже заснуть не мог. Так что сомнений у меня не было, – сказал Александр, поцеловал её припухшие губы и спросил: – Что мы теперь будем делать?

– Если хочешь, я сегодня останусь с тобой, а потом ты отправишь меня по той дороге, которую выбрал.

– Я не о том, – возразил Василевский. – Я хочу спросить, если мы оба выживем, ты выйдешь за меня замуж?

Нет, только не это! Никогда в жизни Елену не жалели, не будет этого и впредь! Стараясь спрятать наворачнувшиеся слёзы, она твёрдо сказала:

– Ты не должен этого делать. Ты не обязан жениться, я сама тебя попросила.

– Это неважно, кто и что предложил, важно другое: мы были вместе, и это оказалось великолепным – в нашем кругу часто бывает гораздо меньше оснований для брака. – Александр улыбнулся и стал губами собирать слёзы с её ресниц.

Господи, ну почему он так нежен, а её воля так слаба?.. Нет! Это невозможно! Всё равно она не примет от него жертв...

– Я никогда больше не стану красивой, а ты не должен стыдиться своей жены! – воскликнула Елена.

Александр внимательно всмотрелся в её лицо. Оно выглядело опухшим и тёмным от синяков, но сквозь отёк уже проступили высокие скулы и нежный подбородок. Бугристые болячки подсохли и скоро должны были отвалиться, всё оказалось не так уж и плохо.

– Уверю тебя, никаких следов не останется, ты напрасно волнуешься. Но вот что я тебе скажу, дорогая: если ты примешь моё предложение, я сейчас же попрошу генерала отпустить меня на один день и вернусь к тебе, на эту лежанку, а если ты мне отказываешь, то

как человек чести я буду вынужден уйти на службу. Ну, принимай решение, – потребовал Василевский.

Что же теперь делать? Даже если Елена выживет, ещё три года её жизнью будет распоряжаться дядя, а тот никогда не даст согласия на этот брак. Но с другой стороны, она бежала из дома и не собиралась туда возвращаться... Неизвестно ещё, когда закончится война. Да и выживут ли они?.. Внутренний голос по-прежнему шептал, что будущего у Елены нет. Но ей так хотелось хотя бы помечтать о счастье. Что может противопоставить разум, когда говорит сердце?.. И Елена сказала:

– Благодарю за честь, граф Василевский! Я с радостью стану вашей женой.

– Надеюсь, что ты в последний раз обращаешься ко мне на «вы», – поправил её Александр и вновь поцеловал. Господи, как же это было хорошо!..

Жених опомнился первым. Вспомнив, что невеста больна, он потрогал её лоб, тот был горячим, но уже не таким пылающим, как накануне.

– Попробуй поспать, – предложил граф, – а я постараюсь отпроситься на службе.

Спрыгнув с лежанки, он обтёрся водой из стоявшей в углу кадушки и быстро оделся. Подбросив поленьев в печь, Александр прикрыл задремавшую Елену уже высохшим плащом, а сам поспешил в штаб. Генерал Милорадович ещё не вернулся из Ставки, где Кутузов собрал военный совет. Это оказалось весьма кстати. Александр написал рапорт, передал его денщику генерала и поспешил обратно.

День, который Василевский провёл со своей невестой, оказался подарком судьбы. Никогда ещё граф не был так счастлив... Они ели ржаной хлеб и пили водку, по очереди отхлебывая из горлышка бутылки, а потом обнимались на тёплой лежанке русской печи. Их страсть час от часу расцветала всё ярче. Елена осмелела и дала волю потаённым желаниям. Александр отвечал ей с восторгом. Ночь пролетела незаметно. На заре Александр поцеловал лоб мгновенно заснувшей в его объятиях невесты и удивился: кожа была прохладной, как будто бы их страсть выжгла болезнь.

Василевский перекрестился и попросил у Бога сохранить им обоим жизнь и соединить их после войны. Та истовость, с которой он молился, удивляла. Такое с Александром случилось впервые.

«Похоже, что на дорогах войны мне повстречалась любовь. Интересное обличье она приняла. Такого уж точно ни у кого не было», – вдруг осознал он.

Это открытие порадовало, Александр улыбнулся и... сразу заснул.

Утром Александру пришлось доехать до Малоярославца, чтобы за баснословные деньги купить лёгкую коляску и лошадь. Вернувшись, он застал Елену уже готовой. Увидев жениха, та грустно спросила:

– Ну что, пора прощаться?

– Да, дорогая, я привёз лошадь и коляску. Кузьма возьмёт твоего и своего коня, меняя лошадей, можно ехать с краткими остановками. Если французов на дороге не будет, ты доберёшься за день. А теперь прошу тебя, дай мне правую руку, – попросил Александр. Он снял с пальца кольцо с квадратным аметистом. На лиловом камне был вырезан герб Понятовских. Александр надел кольцо на безымянный палец невесты – оно оказалось ей велико, но он успокоил Елену: – Перед свадьбой отдадим ювелиру уменьшить, а пока пусть просто останется у тебя. – Помолчав, Василевский обнял невесту и спросил: – Где мне тебя искать?

Елена отдала ему листочек с адресом графини Савранской, у которой собиралась жить в Петербурге.

– Я буду тебя ждать...

Жених обнял её. Больше медлить было нельзя.

– Пора, – признался Василевский. – Кузьма ждёт нас.

Они вышли во двор. Елена села в коляску, Александр поверх плаща закутал её в лоскутное одеяло, последний раз поцеловал и... дал приказ трогать. Экипаж выехал со двора и почти сразу скрылся за поворотом. Василевский ещё постоял на крыльце, глядя в пустоту. Впереди его ждало большое сражение, но собственная судьба графа больше не волновала, он переживал лишь за невесту и молил Небеса, чтобы Кузьма благополучно доставил её в Марфино.

Кузьма гнал, останавливаясь лишь затем, чтобы сменить коней. Его не пугал даже холодный дождь, зарядивший спозаранку. В ногах у Елены лежала груда мешков, которыми он по очереди накрывался. Княжна сидела под крышей экипажа, но холод и сырость оказались такими, что она быстро продрогла. Когда уже за полночь они свернули к крыльцу имения Марфино, Елена вновь пылала в жару. У неё ещё хватило сил, чтобы войти в дом, но уже в вестибюле она лишилась чувств.

Открывший ей дверь лакей кинулся за управляющим. Иван Ильич с ужасом узнал в плохо одетом и избитом парнишке старшую дочь своих покойных хозяев. Управляющий велел слугам отнести княжну в её спальню, приставил к больной горничную, а сам срочно послал за доктором.

Забрав Ганнибала, управляющий выдал Кузьме рубль и отпустил. Драгун ускакал обратно, он так и не узнал, что болезнь вновь настигла Елену, и, вернувшись к Василевскому, сказал лишь, что они благополучно доехали.

Доктор, появившийся в поместье рано утром, послушал княжну и определил воспаление лёгких. Он посоветовал лечить больную теплом и травами. С тех пор Елена металась в бреду, а горничная днём и ночью меняла ей компрессы, обтирала разгорячённое тело и поила, вливая воду в рот больной с ложки. Улучшений не просматривалось.

Но это оказалось ещё не самым страшным. Через два дня после приезда Елены случилась настоящая беда: в Марфино пришли французы.

Глава шестая

Дело об убийстве

Ну просто беда, прости господи! В канцелярии южнорусской губернии бушевала гроза, и происходило это в ясный, ещё по-летнему тёплый и благодатный октябрьский день. Глаза генерал-губернатора Данилы Михайловича Ромодановского метали молнии, а гром в его речах предназначался для упрямого помощника Щеглова. Нельзя сказать, чтобы Ромодановский на поручика злобился. Совсем нет! Более того, губернатор Щеглова искренне ценил и даже как-то по-отечески любил, но порученец оказался таким правдоискателем и борцом за справедливость, что часто осложнял своему начальнику жизнь. Сегодня это случилось в очередной раз. Голубые глаза генерал-губернатора сделались обманчиво-наивными, когда он осведомился:

– Правильно ли я понял, Петруша, что ты предлагаешь мне выкопать труп?

Щеглов этот «наивный» взгляд шефа уже давно выучил, да и что за этим последует, тоже знал прекрасно – обличение и выволочка. Но это был как раз тот самый случай, когда поручик решил упереться. Слишком уж много негодяев в их губернии смогли избежать наказания.

Две француженки – процентщица Франсуаза Триоле и её дочь – возжелали завладеть поместьями и деньгами графов Бельских. Воплощая свой план в жизнь, они отправили на тот свет аж четверых членов пострадавшей семьи, помогал этим авантюристкам женившийся на младшей из них князь Василий Черкасский. Только чудом удалось спастись из лап отравителей последней выжившей наследнице Бельских. Девушке повезло – она вышла замуж за благородного и весьма влиятельного Алексея Черкасского. Тот сумел оградить жену от всех происков. И вот теперь, когда в губернию пришло известие о гибели князя Алексея под Бородино, всё его имущество захватил преступный дядя. Василий Черкасский уже появился в имении племянника, где успел изувечить одну из сестёр князя Алексея и насмерть забить его старую няню.

Щеглов всё это чётко изложил генерал-губернатору, но Данила Михайлович прошлые неприятности явно не хотел вспоминать, а новых старался избежать. Ромодановский делал «наивные» глаза и задавал каверзные вопросы. Но Щеглов не собирался сдаваться.

– Да, требуется выкопать тело убитой няни, – заявил он. – По-другому нам дела не открыть. Некому подать заявление: никто в Ратманово не соглашается его написать. Я, можно сказать, силком выдавил правду из местного батюшки. Он всё мне рассказал, так сказать, неофициально, но отказался давать показания под присягой. Понятное дело: Василий Черкасский – богатейший помещик в губернии. Все его боятся.

Генерал-губернатор понимающе кивнул и картинно развел руками:

– Вот, Пётр Петрович, есть же вокруг здравомыслящие люди: понимают, что к чему. А ты мне предлагаешь напялить шутовской колпак, отрыть убиенную старушку и объявить, что голова у той проломлена, а значит, сделал это хозяин дома – светлейший князь Василий Черкасский. Мол, моему помощнику об этом по секрету рассказал поп.

– Почему «шутовской колпак»? – изобразив, что не понял сарказма, откликнулся Щеглов. – Мы имеем протокол с показаниями арестованного зятя Франсуазы Триоле. Тот заявил, что именно эта женщина виновна в убийствах Бельских, а князь Василий помогал ей в деле с наследством. Обе француженки сбежали, а князя Василия мы даже не попытались задержать, и вот теперь он своими руками совершил убийство. Что же, мы опять промолчим?

– А что бы ты мог предъявить князю после бегства француженок? Соучастие в их преступлениях? Так он бы тебе ответил, что ничего не знал о делах мадам Триоле и повинен

лишь в том, что женился «не на той» женщине, а таких «виноватых» мужчин у нас – пол-страны. Или ты собирался посадить светлейшего князя в кутузку и там выбивать из него признания?

– Не хотел я ничего выбивать, – открестился Щеглов. Он понимал, что генерал-губернатор кругом прав, и нечего было глазами хлопать, когда весной француженки исчезли прямо из-под носа. Но неужто Ромодановский позволит убийце распоряжаться жизнями молодой вдовы Алексея Черкасского и его юных сестёр? Этого уж точно нельзя было допустить! И Щеглов пошёл в наступление: – Ваше высокопревосходительство, как вы себе представляете дальнейшее существование бедных девушек, попавших в руки изувера и убийцы? Ведь няня погибла, закрыв собою одну из своих питомиц, если бы она не вмешалась, убили бы княжну Елену!

Услышав официальное обращение, Данила Михайлович всё понял: Щеглов упёрся и собирался биться насмерть. Вот уж не ко времени всё это Петруша затеял – собранное в губернии ополчение отправлялось в поход, и генерал-губернатор собирался сам возглавить его. Однако в словах Щеглова тоже была своя правда: не бросать же девиц на съедение такому ублюдку, как князь Василий. Но время поджимало, из столицы уже ехал сменщик Ромодановского. Конечно, тот имел приставку «временно назначенный», но уж такого тёртого калача, как Данила Михайлович, не стоило учить азбучной истине, что нет ничего постоянного, чем временные полномочия. Не вернётся князь Ромодановский в своё губернаторское кресло, а в лучшем случае получит после войны другое назначение. Впрочем, чего гадать, до победы ещё дожить нужно...

Генерал-губернатор взглянул на своего помощника. Щеглов набычился, всегда подвижное лицо его застыло, а карие глаза сверлили начальника непримиримым взглядом.

«Ну и что мне делать с этим правдолюбом, да и против совести как идти?» – задумался Ромодановский. Простого решения не просматривалось, но такие казусы случались за время долгой службы Данилы Михайловича сплошь и рядом, как раз на них-то он и отточил своё хитроумие, а «извернуться, но сделать» стало для него жизненным девизом. Прикинув, что без хитрости здесь не обойтись, генерал-губернатор решил склонить своего порученца к разумным действиям и осведомился:

– А что, Петруша, ты там про барона Тальзита говорил?

– Да, в общем-то, ничего особенного, – удивился Щеглов. – Обоз с хлебом для армии у Тальзита собрали, а оттуда я уже в Ратманово к Черкасским отправился, там и узнал обо всём. Сюда мы вместе с бароном приехали. Он своё зерно на армейские склады сдаст, а потом дождется обоза из Ратманово. Деньги за обе поставки получит, а княжнам Черкасским их долю передаст.

– Ты же сказал, что барон не знает, куда княжны делись. Право странно: две из них – крестницы барона, а уезжая, с ним даже не попрощались, и вдруг ты говоришь, что Тальзит передаст княжнам деньги за зерно.

Щеглову очень не хотелось углубляться в эту тему, поскольку он сам во время совместного путешествия в губернскую столицу склонил Тальзита к идее проследить за дворецким из Ратманово. Этот Иван Фёдорович уж точно знал, куда увезла своих подопечных графиня Апраксина, но посторонним сообщать тайну отказывался. По его настрою Щеглов понял, что старик скорее умрёт, чем выдаст беглянок. Однако взгляд Данилы Михайловича вновь сделался «наивным», и это ничего хорошего его порученцу не сулило. Пришлось признаваться:

– Я посоветовал барону проследить за дворецким Черкасских, тот явно знает, где графиня Апраксина прячет княжон.

– Вот удумал-то! Предводитель уездного дворянства барон Тальзит на старости лет будет по твоей просьбе в кустах прятаться. Можно сказать – карикатура, хоть сейчас в «Сенатские ведомости».

– Так что же делать? – опешил Щеглов.

– А то, что обязан делать облечённый властью человек! Что тебе барон – нянька при малых детях? Ему полномочия даны законом. Пусть берёт жандармов, да приезжает в Ратманово, а там даёт дворецкому пять минут на размышление: либо тот везёт друга семьи и крёстного княжон в их убежище, либо сам идёт в кутузку за присвоение казённых сумм. Ты ведь не сможешь проверить, куда Иван Фёдорович деньги за хлеб дел, на слово его поведёшься, а с казёнными суммами так поступать нельзя. Циркуляры министерские читать нужно, Петруша, а не дурака валять!

По лицу Щеглова стало заметно, что ещё чуть-чуть – и дело сдвинется в нужном направлении, осталось только поднажать, что Ромодановский и сделал:

– Я вот только одного не понимаю, поручик, – с явным скепсисом напомнил он. – Вы как будто говорили, что моим адъютантом в ополчении будете, а теперь выходит, будто у вас дела нераскрытые и вы остаётесь дома.

Щеглов аж подпрыгнул от возмущения.

– Я не так сказал! – воскликнул он. – Я хотел успеть открыть дело и оставить полиции поручение по его расследованию.

– И кому же предназначалась такая честь, не дражайшему ли полицмейстеру Григорию Адамовичу? Я что-то запамятовал, не он ли тебе свинью подложил, арестовав зятя Франсуазы Триоле, после чего обе преступницы исчезли, а ты остался с носом?

Щеглов молчал, не отвечать же на прямое издевательство. Он и впрямь весной сильно сгруппировал, недооценив ревнивый и завистливый характер полицмейстера, и в итоге провалил операцию. Генерал-губернатор, не дождавшись ответа, хмыкнул и наконец смиротворился:

– Вот что, Петруша, кончай ты ломиться в открытую дверь. У барона Тальзита есть все полномочия заниматься расследованиями преступлений в своём уезде. Если ему это понадобится, может и старушку откопать, да думаю, до этого не дойдёт. Тальзит разыщет графиню Апраксину, и та напишет ему заявление на князя Василия. Это тебе не дворецкий из крепостных, это ровня с ровней в суде тягаться будет. Ну, а мы с тобой воевать пойдём. Даст Бог, дойдём до Франции, там и будешь свою Франсуазу искать. Вот когда мы с тобой как победители в Париже обоснуемся, тогда и потребуем для этой дамочки правосудия. Она нам за всё ответит.

– А мы обоснуемся в Париже? – тихо спросил Щеглов. В губернии всё ещё никак не могли пережить известие о сдаче французам Москвы, а тут такие планы...

– Не сомневайся, ещё как обоснуемся, – с непоколебимой уверенностью провозгласил генерал-губернатор. – Не было ещё такого случая, чтобы на нашей земле враги правили. Европа она что – там страны меньше наших уездов, а мы – земля без конца и края. Свернём мы шею Наполеону, как пить дать!

Данила Михайлович поднялся, намекая, что разговор окончен. Щеглов тут же вскочил и откланялся. Минуты не прошло, как наблюдавший из окна генерал-губернатор увидел своего порученца бегущим через площадь к армейским складам.

«Вот и славно, – обрадовался Данила Михайлович, – помчался барона искать».

Предводителя уездного дворянства Ромодановский знал давно и не сомневался ни в его уме, ни в его твёрдости. На первый взгляд барон казался человеком мягким и деликатным, но если второе и являлось истинной правдой, то первое относилось лишь к добродушным манерам и приятной внешности Тальзита. В делах же у него царил полный порядок, и, даже не повышая голоса, барон добивался гораздо большего, чем предводители в соседних уездах.

Если Щеглов сможет правильно донести до барона высказанную идею, то на войну можно будет уйти с чистой совестью.

Генерал губернатор хмыкнул и задумался. Даже интересно, что там Щеглов на складе говорить будет?

Суэта на складе наконец-то улеглась. Зерно из обоза Тальзита перетаскали в свободную клеть, и, выдав Александру Николаевичу расписку, кладовщик замкнул двери. Тальзит в нерешительности топтался рядом с пустыми подводами. Может, сразу пойти за расчётом в губернскую канцелярию?.. Или уже не суетиться?.. По прикидкам Тальзита, где-то часа через два должен был подтянуться обоз из Ратманово.

«Сдам всё, а там уж и за расчётом пойду», – решил барон.

Захотелось обедать. Александр Николаевич облюбовал поблизости один трактир, там вполне прилично готовили щи, да и расстегаи были хоть куда, ну, а что до водки, то барон пил лишь собственную (двойной перегонки через мешок с анисом), и если приходилось обедать вне дома, то всегда доставал за столом свою фляжку.

Тальзит направился к соборной площади, но пообедать ему не удалось: навстречу барону нёсся Щеглов.

– Ух, Александр Николаевич, хорошо, что я вас застал! Поговорить нужно, – выпалил он, заступив Тальзиту путь. – Дело важное и срочное.

По озабоченному лицу поручика это было ясно и без слов, и барон покорно кивнул:

– Слушаю вас...

– Я сейчас говорил с генерал-губернатором об убийстве няни в Ратманово, – начал Щеглов, – всё не так просто, как мне хотелось бы.

Ясное дело, что не так просто! Барон и не сомневался, что Ромодановский сразу отвергнет идею своего порученца об эксгумации тела Тамары Вахтанговны. Нужно найти другое решение. Но вот какое?

– Дело в том, что мы уходим с ополчением на войну. Я хотел открыть дело об убийстве и поручить его тем, кто останется в губернии. Но Данила Михайлович сомневается, что наш полицмейстер станет усердствовать в этом расследовании.

Барон хорошо знал и терпеть не мог полицмейстера – уж больно тот за последние годы стал морально нечистоплотен. Впрочем, Тальзит счёл за благо оставить своё мнение при себе, ограничившись нейтральным:

– Возможно, что здесь губернатор и прав...

– Да уж, – вздохнул Щеглов. – Данила Михайлович попросил меня переговорить с вами, у него есть другое предложение.

– Вот как? – откликнулся Тальзит. Генерал-губернатора он уважал, Ромодановский умудрялся вести дела так, что и результаты были, и достоинство не терялось, князь оставался благородным и при этом успешным – редкостное сочетание.

– Данила Михайлович считает, что происшествие в Ратманово попадает под компетенцию предводителя уездного дворянства. Вы можете поручить расследование своему исправнику, тот, если понадобится, и полицию призовет, но решение по делу придётся выносить вам.

– Я уже думал об этом, – признался Тальзит. – Пока я даже не стану открывать дела об убийстве. Достаточно заняться поисками пропавших княжон. Ну а как только я разыщу графиню Апраксину и получу от неё заявление об убийстве няни, тогда и приму решение, что делать дальше. – Барон задумался, а потом спросил: – Вы ведь говорили, что княжна Елена отправилась в столицу просить правосудия у государя?

– Так мне сказал батюшка в Ратманово, – подтвердил Щеглов. – Вроде бы графиня написала императору, а княжна Елена увезла письмо с собой. Только вот времени уже минуло

предостаточно, но из столицы не поступало никаких указаний о расследовании. Боюсь, что наша барышня так и не добралась до Петербурга!

Тальзит и сам уже не раз посчитал дни, прошедшие с отъезда Елены в столицу, и его выводы оказались столь же неутешительны. Значит, тем более пора вмешаться в дело. Убийца не получит власти над жизнями его крестниц! Барон не стал развивать неприятную тему, а просто пообещал Щеглову:

– Я найду графиню Апраксину и постараюсь убедить её повторить в заявлении то, что она написала в письме императору.

Поручик явно обрадовался:

– Ну а я обещаю, что костыми лягу, но разыщу во Франции эту Триоле. Если она жива, то не уйдёт от возмездия. Вы уж, Александр Николаевич, напишите мне в полк, как развиваются события.

– Обязательно, – отозвался Тальзит. Он проводил Щеглова одобрителем взглядом. Всё-таки поручик – молодец: надо же так верить в победу русского оружия после Бородино...

Глава седьмая

Французский полковник

Сильно поредевший после Бородино полк конных егерей французской императорской гвардии, охранявший выходившие из Москвы французские обозы, занял поместье Марфино и сделал его своей штаб-квартирой. Это большое и ещё не разграбленное имение, лежащее между двумя стратегическими дорогами, идеально подходило для выполнения приказа императора, и когда разведчики рассказали о большом доме, флигелях и богатой деревне своему командиру, полковник де Сент-Этьен не колебался – он двинул свой отряд на Марфино.

Увиденное поразило французов: огромный трехэтажный бело-голубой барский дом с мраморными колоннами как будто парил на фоне тяжёлого октябрьского неба.

– Какая роскошь, прямо маленький Версаль! – восхитился полковник.

Он знал, о чём говорил, ведь крёстной матерью маркиза Армана де Сент-Этьена была последняя хозяйка королевской резиденции – прекрасная Мария-Антуанетта. Семье де Сент-Этьенов до революции принадлежала половина Бургундии, и мать Армана – урождённая итальянская принцесса – всегда говорила сыну, что его отец, сделав предложение, оказал ей и её роду немалую честь. Маркиза приходилась королеве Марии-Антуанетте дальней родственницей. Их знакомство, начавшееся как формальное общение особ королевской крови, постепенно переросло в верную и многолетнюю дружбу. Именно королева поддерживала мать Армана, когда супруг маркизы погиб на дуэли, оставив своего пятилетнего сына главой древнего рода и наследником огромного состояния.

– Ничего, дорогая, у вашего малыша есть множество кузенов. Вы ведь всегда жили с сёстрами мужа одной семьёй, – утешала Мария-Антуанетта овдовевшую маркизу. – Поверьте мне, Арман никогда не будет одинок.

И впрямь, у покойного маркиза имелось целых шесть сестёр, и тот считал своим долгом всех их опекать. Но королева оказалась плохой провидицей и не смогла предвидеть судьбу многочисленного клана де Сент-Этьенов так же, как не смогла предвидеть собственную участь. Безумие революции убило их всех: ровно через две недели после своей королевы взойшла на эшафот маркиза де Сент-Этьен, а потом друг за другом легли под нож гильотины все тётки Армана, их мужья и дети. Из всего семейства в живых остались лишь он да один из его двоюродных братьев – барон де Виларден, успевший сбежать от якобинцев в Лондон. Двенадцатилетнего Армана мать тайком отдала канонику аббатства Сито в Боне, но спустя три года революционные горожане разрушили и этот монастырь. Старого каноника убили на глазах Армана, а ему самому лишь случайно удалось бежать. Провожая его из Парижа, мать когда-то сказала:

– Помни, дорогой, если тебе станет совсем плохо, пробирайся в Италию, к деду.

Решив, что хуже быть уже не может, Арман последовал её совету – с котомкой за плечами он двинулся к границе. На пути в Италию судьба привела юношу в район боевых действий, которые тогда вела французская армия против Сардинского королевства. Случайно попав в лесу на место боя, где попавший в засаду авангард французского полка отбивался от многократно превосходившего его по численности противника, Арман увидел смертельно раненного солдата, спасавшего знамя полка. Тот, умирая, попросил подбежавшего к нему юношу передать знамя генералу Бонапарту и сказать тому, что честь полка спасена.

Арман пообещал выполнить просьбу умирающего и через несколько дней добрался до ставки генерала, а там добился, чтобы его провели к Бонапарту. Юноша выложил на стол окровавленное знамя и передал полководцу слова умирающего солдата.

– Что ж, ты поступил как герой, а значит, заслужил награду, – признал генерал Бонапарт и смерил юного бродягу пронзительным взглядом жёстких голубых глаз. – Кто ты такой?

– Меня зовут Арман, – юноша замолчал, но потом гордость взяла верх над страхом, и он продолжил: – де Сент-Этьен, я из Бургундии.

Генерал с интересом взгляделся в исхудавшее и перепачканное лицо.

– Маркиз де Сент-Этьен? Так будет правильнее?

Арман молчал, зная, что, признавшись, подпишет себе смертный приговор.

– Не забывай, что я родом с Корсики, а прекрасную принцессу Марию-Евгению на этом острове знали так же хорошо, как в королевстве её отца. Ну а ты очень на неё похож.

Генерал улыбнулся, и его жёсткое лицо разительно изменилось, став на удивление красивым.

– Да, это правда, – признал Арман. – Я маркиз де Сент-Этьен, и принцесса Мария-Евгения – моя матушка.

– И что же делает сын прекрасной принцессы в итальянском лесу? – Бонапарт улыбался, и, попав под сокрушительное обаяние знаменитого полководца, юноша поверил ему.

– У меня больше нет родных, я хотел дойти до владений деда, может, там я кому-нибудь пригожусь.

– Француз должен служить своей стране! – заявил Бонапарт.

Он взял перо и, написав несколько строк на листе бумаги, запечатал письмо и протянул Арману.

– За героический поступок капрал французской армии Арман де Сент-Этьен отправляется на обучение за казённый счёт в Национальное военное училище в Ла-Флеше! Вы всё поняли, капрал?

Впервые за долгие годы полного одиночества и беспросветной нужды человек посмотрел на Армана с уважением и добротой и принял участие в его судьбе. Истосковавшееся сердце одинокого юноши потянулось к Бонапарту. Прижав конверт к груди, Арман воскликнул:

– Благодарю вас, мой генерал! Если понадобится, я отдам за вас жизнь! Только скажите.

Бонапарт вызвал адъютанта и, велел тому проследить, чтобы юношу обмундировали и отправили во Францию на учёбу, отпустил обоих.

Спустя четыре года лейтенант де Сент-Этьен был зачислен в полк конных егерей французской гвардии, а через восемь лет возглавил его в чине полковника. Бонапарт не забывал своего протеже и, убедившись в его храбрости и благородстве, приблизил к себе.

Став императором, Наполеон предложил всем аристократам, готовым служить новой династии, возвращаться во Францию. В обмен на преданность они могли вернуть имущество своей семьи, при условии, что оно не было продано с торгов во времена якобинцев и Директории.

Арману повезло, его многочисленные имения в Бургундии соседствовали с монастырскими землями. Монастыри уничтожили, и их земли выставили на продажу первыми. Но желающих выкупить эти участки не нашлось, так что земли Армана местная префектура даже не стала выставлять на торги. Дома его стояли разграбленными, виноградники одичали, но других хозяев у имущества не оказалось. Поэтому первым, кому император возвратил имущество в Бургундии, был его воспитанник – маркиз де Сент-Этьен. После победы под Аустерлицем, где Арман проявил чудеса храбрости, в награду от императора он получил дворец своего отца в Фонтенбло и парижский дом семьи на улице Гренель.

Сейчас, подъехав к широким мраморным ступеням очаровательного и вместе с тем величественного загородного русского дома, маркиз вспомнил свой особняк в Париже. Хорошо, что он успел его обставить. Вот закончится русская кампания, и можно будет выйти в отставку. Арман устал. Сколько можно жить одиночкой? Пора подумать о семье.

«А доживу ли я вообще до этой отставки? – грустно спросил он себя. – Судя по тому, как развиваются события, немногие из нас вернутся во Францию».

Впрочем, предаваться грусти было некогда: авангард полка развернулся перед главным домом имения, и Арман спешил. Пора размещать на постой своих егерей...

Приказав занять под штаб главный дом имения, полковник разместил эскадроны в большом селе, раскинувшемся сразу за парком. Горестно вздыхавшему седому управляющему маркиз сказал, что усадьба уцелеет, если солдат станут исправно кормить, а коней обеспечат фуражом. Управляющий развел руками, намекая, что не понимает по-французски, тогда маркиз выхватил саблю, приставил к её шее русского и знаком указал на себя, на стоящих рядом офицеров и на лошадей, привязанных у крыльца. Старик мгновенно всё понял и, шатаясь от пережитого ужаса, удалился. Вскоре он вернулся в сопровождении дворовых, несущих на плечах мешки с провиантом.

«Как, однако, все хорошо понимают язык оружия», – подумал Арман и отправился осматривать дом.

Изнутри особняк оказался ещё великолепнее, чем снаружи. Широкая мраморная лестница с резными перилами белою дугой взлетала в двухсветном вестибюле, стремясь к парящему в вышине потолку-куполу. Маркиз прошёлся по первому этажу. Там он обнаружил большую гостиную, две столовые, зеркальный бальный зал с мраморными колоннами, множество проходных комнат, значения которых он не знал, и кабинет хозяина дома. Здесь же находились крытые переходы в боковые флигели. В одном из них располагалась кухня и подсобные помещения, а другой, как видно, считался гостевым, поскольку оба этажа в нём занимали спальни.

Всё убранство – мебель, ковры, зеркала и люстры – говорило опытному глазу о богатстве и отменном вкусе хозяев дома. Но больше всего полковника заинтересовали портреты: голубоглазой красавицы в белоснежном парике и парчовом платье – в гостиной, и хрупкой молодой дамы с чуть раскосыми серыми глазами – в кабинете. Эту миловидную шатенку художник нарисовал на фоне дома, по которому сейчас ходил полковник. И стояла она не одна, а в окружении четырёх девочек. Только портрет был написан летом, и цветники на террасах пестрели всеми оттенками зелени и ярких красок. Девочки – все совершенно очаровательные в розовых платьях – оттеняли простой белый наряд своей матери. Картина производила потрясающее впечатление, похоже, художник сам попал под обаяние этой прелестной дамы и её милых дочек.

Арман подошёл ближе и вгляделся в лица детей. Старшая из дочерей (лет двенадцати) цветом волос и глаз, да и чертами лица очень походила на даму с портрета в гостиной. Остальные девочки тоже были хороши, но казались ещё детьми, а эта выглядела почти девушкой.

Полковник прошёл в бальный зал, где уже собрались его подчиненные, и обратился к своим егерям:

– Господа офицеры, в этом доме живёт семья: четыре юные дочери и милая мать. Проявим же французскую галантность. Прошу вас занять спальни гостевого флигеля, там вполне комфортно. Обедать мы будем в большой столовой, а заседания военного совета предлагаю проводить в кабинете хозяина – это всё здесь, на первом этаже. Я не запрещаю вам брать себе в качестве трофеев любые понравившиеся вещи, но прошу воздержаться от вандализма и ничего не портить. Уходя, мы оставим дом его хозяйкам неосквернённым. А сейчас занимайте комнаты, я выбрал первую по коридору на втором этаже, остальные – ваши.

Арман отпустил офицеров и направился на кухню, определить, на сколько человек в ней можно готовить, когда услышал за спиной стук каблуков. Его догонял один из двух ординарцев, отправленных с осмотром на второй этаж.

– Ваше превосходительство! – закричал ординарец. – Там наверху в одной из спален лежит больная девушка, похоже, что она – хозяйка этого дома. За больной ухаживает горничная, я попытался её расспросить, но она меня не понимает.

Маркиз поспешил наверх. На втором этаже он нашёл хозяйские спальни. В другой раз он с удовольствием осмотрел бы их, но ординарец вёл его в конец коридора к самой последней комнате. Открыв дверь, солдат пропустил Армана вперёд. В спальне царил полумрак. У стены жалась испуганная служанка, а на кровати, почти потерявшись под широким одеялом, лежала худенькая девушка с короткими золотистыми кудрями. Глаза её были закрыты, а всё лицо покрывали уже побледневшие синяки. Несмотря на болячки, Арман сразу же узнал старшую дочь с портрета в кабинете.

«Вот это сюрприз!» – оценил он.

Но девушка была больна неизвестно чем. Не заразно ли? Полковник знаком подозвал горничную и спросил:

– Чем больна ваша хозяйка? – Арман внимательно наблюдал за лицом девушки, и от него не укрылось понимание, промелькнувшее в её глазах.

– Вы ведь учились французскому? – наугад спросил маркиз и тут же понял, что попал в цель. Горничная дернулась, как от удара, но ответила на его языке:

– Да... немного.

– Хорошо, – похвалил её Арман и добавил: – Не нужно бояться, я ничего плохого вам не сделаю, мои солдаты тоже вас не обидят. Вы можете и дальше ухаживать за своей госпожой. Только скажите, чем она больна, заразно это или нет?

– У мадемуазель – воспаление лёгких, доктор сказал, что от простуды, – девушка помогала себе жестами, показав на грудь и спину.

Что ж, это оказалось не страшно, и Арман поинтересовался:

– Как зовут вашу хозяйку?

– Светлейшая княжна Елена Черкасская.

Наверное, в этом было что-то сентиментальное, ведь среди руин сторевавшей Москвы, так напоминавшей мифическую Трои, полковнику встретилась Прекрасная Елена.

– Пусть выздоравливает, – пожелал Арман.

Но пока надежд на выздоровление было мало. Душа Елены слишком давно блуждала в холодном и опасном мраке и не хотела искать дорогу назад.

Мрачно, холодно и опасно. Петербург раздражал убийцу. Будь его воля, он остался бы в Лондоне. Париж, конечно же, хорош, но там его слишком часто обманывали. Если сказать честно, он ничего не понимал в финансах, и его изрядно облапошили, прежде чем он поправил дела, договорившись со стервой Франсуазой. С тех пор всё изменилось, но яд прежних неудач отравлял воспоминания.

«Интересно, вернусь ли я когда-нибудь в Париж? – спросил он себя и тут же суеверно скрестил пальцы: – Конечно, вернусь!»

Убийца мысленно выругался:

«Что за чёрт?! Зачем на самого себя кликать беду? Хватит уже пережитых бед, нечего тащить их и в будущее».

Он с отвращением отвернулся от окна, выходящего к Неве. Чёрно-синяя рябь воды и свинцовые тучи, накрывшие опустевший город, никак не способствовали улучшению настроения. Ему говорили, что все, кто только мог, уже сбежали в южные губернии, и в столице остались лишь двор во главе с императором Александром да государственные сановники. Светская жизнь замерла: балов больше не давали, не то что приёмы, а даже маленькие вечера «для своих» стали редкостью. Примером считалась царская семья: обе императрицы и все великие княгини занялись госпиталями, а государь пропадал на военных советах.

Убийцу это не волновало, он сделал то, что хотел, и теперь собирался в Англию. Осталось единственное, чего он ещё не сделал – не передал письмо.

«Не рискованно ли?»

Убийца откровенно трусил. Вот уже неделя, как он оглядывался по сторонам. Не идёт ли кто-нибудь по его следу?.. Вдруг дознались?.. Пока ничто не вызывало опасения, слежки вроде бы не было. Нужно взять себя в руки. В конце концов, корабль отплывает уже завтра. Значит, он должен передать письмо сегодня! Ведь это же его деньги, и отнюдь не малые: в последние годы он жил на эти средства.

«Франсуаза всё равно не отдаст обещанного. Так и будет кормить меня завтраками и разговорами, что деньги рожают деньги. Ну, а раз так, то выхода всё равно нет. Придётся рискнуть».

Убийца старательно пригладил у зеркала поредевшую шевелюру. Как быстро прошла молодость! Куда исчезла бывшая красота? Вид морщин под глазами больно ранил, и если фигурой его Бог не обидел, то с лицом была просто беда. Убийца вздохнул, постарался собраться с мыслями и достал из-под стопки шейных платков, сложенных в комод, маленький конверт, запечатанный чёрным сургучом с оттиском голубки.

«Так, иду в посольство, прошу вызвать третьего секретаря, отдаю письмо и ухожу», – в очередной раз вспомнилась полученная инструкция.

Вроде всё было так просто, но от страха потели и дрожали руки. Убийца прекрасно знал, что французское посольство находится совсем рядом, накануне он даже несколько раз прошёл по нужному маршруту, но так и не решился войти в тяжёлые дубовые двери.

«Вперед! – мысленно подбодрил он себя. – Отделаюсь и уеду».

Убийца быстро добрался до посольства и решительно прошёл в гулкий пустой холл. Никто не спешил ему навстречу, не было ни охраны, ни дежурных – что, впрочем, не удивляло, ведь с началом войны посол и почти все дипломаты уехали, в здании оставались лишь несколько человек obsługi, а для «экстренной дипломатической связи» – третий секретарь посольства. Понять бы ещё, где в многочисленных пустых комнатах можно разыскать этого самого секретаря.

– Эй, есть кто?! – в гулкой высоте пролёта слова отдались звучным эхом, и – о чудо! – откуда-то сверху застучали по ступеням каблуки, и из-за поворота лестницы показался красивый блондин в чёрном фраке. Тот был одет так безупречно, как будто не прятался в опустевшем посольстве, а собирался на бал.

– Чем могу помочь, месье? – спросил блондин, и тут же глаза его заметались.

Убийцу передёрнуло: он вдруг узнал смазливую франта. Бледность, покрывшая щёки его визави, выдавала дипломата с головой, – блондин тоже узнал гостя, но постарался взять себя в руки и заговорил подчеркнуто равнодушно:

– Я третий секретарь посольства виконт де Ментон. Сейчас замещаю посланника и всех других дипломатов. Чем могу служить?

Он мог бы и не трудиться, сообщая свою фамилию. Убийца её прекрасно знал – этот вертопрах был любовником Мари-Элен Триоле. Дурочка просто с ума сходила от этого негодяя и, несмотря на все усилия матери, никак не хотела его бросить. Убийца меньше всего на свете желал бы встречи с этим человеком: это было так унижительно. Более того, это могло стать опасным, ведь на письме, которое он собирался передать, имелось имя адресата.

«Так отдавать или нет?» – заметалась трусливая мысль.

Но ведь это его деньги! Как он сможет от них отказаться? Убийца молча достал из кармана письмо и протянул его де Ментону. Тот прочитал имя адресата и ухмыльнулся.

– Вы как раз застали меня перед отъездом, – сообщил виконт. – Посольство закрывается, я отбываю во Францию, так что можете не беспокоиться, я лично отвезу ваше...э-э... послание.

Ирония виконта сделалась неприкрытой. Убийца не счёл нужным отвечать. Он развернулся и вышел. Дьявол! Ну что за невезение! Почему самая неблагодарная работа всегда достаётся самым толковым?

Глава восьмая

Выздоровление

Егерский полк императорской гвардии не привык выполнять чёрную работу. Охрана продовольственных обозов всегда считалась делом интендантов, но в России всё перевернулось с ног на голову. Мрачные бородатые крестьяне не хотели продавать ни продовольствие, ни фураж, всё это можно было отнять лишь силой оружия. Начиная со Смоленска, французские войска везде сталкивались с одним и тем же: вместо того чтобы отдать запасы, но сохранить себе жизнь и кров, русские поджигали дома и уходили в лес.

Арману уже приходилось воевать с партизанами в Испании, но в тёплой южной стране он ещё мог это понять, там горы круглый год служили для местных повстанцев убежищем. Многочисленные пещеры, узкие ущелья, созданные природой как естественные укрепления, тёплые южные ночи – всё помогало партизанам. Но совсем другое дело – промёрзшие леса и проливной дождь. Скоро уже должны ударить морозы, но русских, казалось, это нисколько не волновало. Маркиз не понимал, как это возможно, но партизан становилось всё больше, и они жалили неприятеля, как оводы.

При отступлении из сгоревшей Москвы вопрос снабжения армии стал для французского императора таким же важным, как и военные победы. Вывоз драгоценных обозов Наполеон поручил своему воспитаннику. На все операции было дано три недели, после чего егерский полк должен был перейти в арьергард армии.

– Не подведи меня, Арман, я на тебя надеюсь, – сказал император, и его слова стали для полковника приказом.

Каждый день отряды егерей выезжали на помощь интендантам, сопровождая обозы и отбивая атаки партизанских отрядов. Эти ежедневные стычки изматывали Армана, а его эскадроны несли потери. Большое здание школы в Марфино полк занял под лазарет, и число раненых только возрастало. Две изнуряющие недели уже прошли, осталась ещё одна, скоро французская армия завершит задуманный императором переход, и де Сент-Этьен освободится. Двигаться в походном строю, вести бои с регулярными войсками – вот почётная миссия солдата, которую полковник привык выполнять с честью. К этому стремилась его душа, но в последние дни Арман всё время ловил себя на странной мысли, что не хочет покидать Марфино.

У маркиза появилась сладостная привычка – каждый вечер заходить в комнату больной и смотреть на то, как меняется её лицо. Отёк спал, и стала заметна изящная форма лица с высокими скулами, легким подбородком и гладким белым лбом. Синяки и болячки полностью сошли, и теперь лицо больной стало белоснежным, а когда лихорадка усиливалась, на щеках проступали яркие розовые пятна. Это лицо оказалось таким прекрасным, что Арман просто не мог заставить себя оторвать взгляд и всё время придумывал поручения горничной, чтобы отправить её из комнаты и остаться наедине со спящим ангелом.

Накануне вечером полковник приказал управляющему привезти к нему лечившего княжну доктора, чтобы из первых рук узнать о состоянии её здоровья. Врач, неплохо говоривший по-французски, сообщил, что больную лечат отварами трав и обтирают, снимая жар. Доктор надеялся на юный возраст княжны и её здоровое сердце. Кризис ожидался в ближайшие день-два, и если больная его переживёт, то быстро пойдёт на поправку.

Нынешний день выдался для егерей тяжёлым. Пока один эскадрон благополучно отконвоировал обоз на сборный пункт, второй попал в засаду, устроенную партизанами. Арман потерял двоих убитыми, и шесть человек было ранено. Мельница, которой французские интенданты пользовались уже неделю, сгорела вместе с зерном, и егеря еле успели

вывезти с места боя телеги с мукой, нагруженные утром. Сейчас уставшие солдаты были мрачны и неразговорчивы.

Наконец отряд свернул на подъездную аллею Марфино, и Арман пришпорил коня. Все его беды вдруг вылетели из головы, его неумолимо тянуло к Прекрасной Елене. Тихо посту- чав, он вошел в спальню. Горничная, дремавшая у постели больной, вскочила и поклонилась.

– Как княжна сегодня? – поинтересовался Арман.

Служанка объяснила:

– Доктор недавно ушёл, он сказал, что скоро случится кризис. Жар будет всё сильнее и сильнее, а потом, если Бог даст, должен совсем пройти...

Арман переставил стул поближе к постели и сел, вглядываясь в тонкое лицо с алыми пятнами румянца на щеках.

Горничная вливала в рот больной воду и меняла ей холодные компрессы. Наконец служанка объявила, что ей нужно раздеть и обтереть госпожу, чтобы снять жар. Маркиз молча кивнул и, повернувшись спиной, отошёл к окну. Промозглый ветер за стеклом отчаянно трепал деревья. Макушки гнулись под его порывами. Арману отчего-то стало жутко. В окне отразился силуэт горничной, та снимала рубашку со своей хозяйки. Воображение дорисовало Арману изумительную картину: княжна в постели, но не больная, а просто спящая. Испугав его самого, нахлынула волна возбуждения. Маркиз тряхнул головой, отгоняя грешные мысли, и подумал, что это просто кощунство... Мечтать о девушке, уже, быть может, шагнувшей за последнюю черту. Да это ведь преступление!.. Или нет?..

Услышав, что горничная вновь опустилась на свой стул, маркиз вернулся к постели. Дыхание больной прерывалось, грудь ходила ходуном, а румянец на щеках сделался ещё ярче. Арман сел у кровати и вдруг, повинувшись странному порыву, взял в ладони безвольную горячую руку и прижал к губам.

– Всё будет хорошо, милая, ты обязательно поправишься, – пообещал он и сам себе поверил, потому что чувствовал: сейчас его ведёт сама судьба.

Ночь оказалась бесконечной. Арман так надеялся на улучшение, но оно всё не наступало. Дыхание больной всё так же частило, и алые пятна полыхали на щеках. Уставшая горничная задремала, и маркиз не стал её будить. Он сам смачивал повязку в фарфоровой чаше и вновь клал её на горящий лоб Прекрасной Елены. Он не хотел верить, что может потерять этого ангела, так неожиданно вошедшего в его жизнь. Арман вспомнил все молитвы, которым научил его добрый каноник, и, сжав руку княжны, повторял их снова и снова. Он так и читал молитвы – час за часом – боялся, что если остановится, то тонкая нить, протянувшаяся меж ним и небом, оборвётся и его ангел улетит.

Когда за окном забрезжил рассвет, Арман вдруг понял, что рука, лежащая в его ладонях, уже не так горяча, как прежде. Он поднял глаза и увидел, что лоб Елены покрыт испариной, а красные розы лихорадочного румянца исчезли с её щёк. Княжна дышала легко и спокойно.

– Господи, спасибо тебе! – поблагодарил Арман и перекрестился. – Ты спас мою любовь.

Он сказал это и сам испугался, хотя чему было удивляться, если это чувство уже захватило сердце. Может, Бог услышал одинокого как перст маркиза де Сент-Этьена? Арман поцеловал прохладный лоб своей Прекрасной Елены и вышел из её спальни.

Елену разбудил солнечный зайчик, согретый ей щёку. Она лежала в своей спальне в Марфино. Княжна смотрела и удивлялась: всё здесь осталось как прежде – стены, обитые кремовым шёлком, мраморный камин и фарфоровые статуэтки на его полке, белая с золотом мебель. Всё выглядело так, как будто она и не уезжала отсюда шесть лет назад.

Рядом с кроватью дремала девушка в синем платье горничной и белом переднике. Княжна попробовала сесть, но не смогла. От шороха проснулась сиделка.

– Ой, ваша светлость! Правильно доктор сказал, что вы сегодня в себя придёте! – обрадовалась она.

– Долго я болела? – собственный голос показался Елене чуть слышным, а язык казался шершавым, как кора дерева.

– Две недели вы в лихорадке пролежали, а вчера доктор сказал, что кризиса ждать надо. Так полковник всю ночь около вас просидел, всё по-своему молился и руку вашу держал. Он ушёл лишь тогда, когда жар спал и вы заснули.

– Какой полковник? – удивилась Елена. – Я помню только, как сюда добралась, а потом – ничего. Скажи, как тебя зовут, и расскажи мне всё по порядку.

– Я Маша! А вы меня разве не помните? Ваша покойная матушка меня вам в услужение готовила. Я и французскому училась, и у куафера... – удивилась горничная, но долго обижаться не стала, а пустилась в подробное описание, пересказывая слова управляющего и доктора. Елена долго слушала, но потом перебила:

– А полковник?

– Так французы же Марфино захватили – в доме живут. Солдаты, когда всё здесь осматривали, быстро вас нашли и привели полковника своего. Он сначала боялся, что вы заразная, а потом успокоился. Французы уже две недели здесь, но ничего не порушили, не пожгли и никого не убили.

– Это хорошо, – кивнула Елена и вновь вернулась к главному: – Но что этот полковник делал в моей комнате?

– Ваша светлость, он, наверное, в вас влюбился! – Маша мечтательно закатила глаза. – С первого дня, как вас увидел, приходит сюда каждый вечер и сидит, всё смотрит так задумчиво, а глаза у него печальные, как будто вы ему родня – так он переживает. А вчера, как кризис наступил, так он всю ночь от вас не отходил.

– Странно всё это... Как его имя?

– Сказал, что он – маркиз, а зовут – Арман де Сент-Этьен.

– Я никогда не слышала о таком! Вот что, Маша, помоги мне сесть, дай шаль и принеси поесть, – велела Елена. – И ещё, называй меня, как прежде, барышней.

Маша подхватила хозяйку, усадила в подушках и убежала выполнять поручение, а княжна задумалась.

«Всё понятно, кроме того, что это за француз-полковник, и что ему нужно», – размышляла она.

Голова у Елены кружилась, а глаза закрывались, но она приказала себе терпеть. Она должна восстановить силы и ехать дальше! Княжна осмотрела свои руки, те оказались очень худыми, но синяков на них не было. С трудом откинув одеяло, она глянула на свои ноги. Тонкие, как прутики, они белели безупречной кожей, следов избиения не осталось. Сердце Елены забилось чаще, она хотела и боялась увидеть своё лицо. Вошедшая Маша углядела край откинутого одеяла и сразу всё поняла.

– Не беспокойтесь, барышня, ничего нигде не осталось, ни царапинки, ни пятнышка. Вы красивая, как ангел.

Поставив поднос на стол, горничная взяла большое овальное зеркало в серебряной раме и поднесла его к лицу хозяйки.

– Вот, смотрите, я подержу, а то вам тяжело будет.

Елена глянула на себя и не узнала. Она очень исхудала – белоснежная кожа обтягивала скулы, а на глубоко впавших щеках не осталось и следа румянца. Зато лицо было совсем чистым – ни пятнышка, ни шрама, ни вмятины. Губы казались бледными, но зато сохранили форму, а глаза в частокле чёрных ресниц казались синими и огромными. Масса уже отросших до середины шеи локонов окружала лицо золотистым нимбом. Это была Елена – и не она. Никогда прежде княжна не выглядела такой «воздушной». Но себе она понравилась.

Елена сразу же подумала о Василевском, гадая, оценит ли тот её новую внешность. Подумав о женихе, она вспомнила о кольце и письмах.

– Маша, а где вещи, бывшие при мне? Кто меня переодевал?

– Я, барышня. Не волнуйтесь, никто, кроме меня, ничего не знает, я всё спрятала в ваше бюро, – сказала Маша и достала из бокового ящичка кожаный мешок для бумаг и аметистовое кольцо.

– Вот, пожалуйста, всё цело. – Она положила вещи на одеяло.

Елена надела кольцо. Но пальцы так исхудали, что удержать его оказалось невозможно – кольцо соскользнуло на одеяло.

– Ну, если сразу на два пальца надеть, – попыталась развеселить хозяйку бойкая Маша, – а можно на цепочке его носить, тогда и не потеряете.

– Правильно...

Елена сняла с шеи цепочку с крестом и, расстегнув замочек, продела её сквозь кольцо. Маша помогла застегнуть цепочку, и кольцо Александра скользнуло за шёлк ночной сорочки. Осталось только проверить кожаный мешок. Все ценности оказались на месте, и княжна спрятала мешок под подушку, суеверно решив, что так будет надёжнее.

Маша помогла ей выпить чашку бульона. Есть Елене не хотелось, но она не могла себе позволить и дальше голодать. Эдак она не удержится в седле! Семья ждала помощи, к тому же жених будет искать её в Петербурге – надо срочно набираться сил. После еды Елену сразу потянуло в сон, и она так, полусидя на кровати, и задремала. Маша не стала её беспокоить и, собрав посуду, ушла на кухню. В комнате повисла тишина.

Тихо постучав, в комнату вошёл Арман. Спальню освещали лишь одинокая свеча и пламя камина, Прекрасная Елена спала, откинувшись на высоко взбитые подушки. Полковник заметил шаль на её плечах – значит, княжна уже пришла в себя, а сейчас просто отдыхает. Он на цыпочках подошёл к постели и опустил на привычное место. Арман взял тёплую руку и прижался к ней губами. Тоненькие пальцы в его ладони дрогнули, он поднял взгляд и оторопел: на него изумлённо взирали огромные синие глаза. Заглянув в эти очи, Арман вдруг осознал, что его Елена Прекрасная – самое настоящее совершенство, и ещё он понял, что его любовь – это навсегда.

Ошеломлённый этими открытиями, он молчал, а Елена вообще лишилась дара речи, увидев у своей постели смуглого черноглазого красавца, целующего её руку с таким благоговением, словно она святая. Княжна постаралась вытянуть свои пальцы из ладоней незнакомца, это, казалось, привело француза в чувство, по крайней мере, он отпустил её руку и, поднявшись, поклонился с привычным изяществом светского человека.

– Простите, мадемуазель, я разбудил вас. Сейчас вам нужно как можно больше отдыхать, ведь вы так тяжело болели. Но позвольте представиться: я – маркиз Арман де Сент-Этьен, командир полка конных егерей императорской гвардии, и волею военной судьбы мои солдаты заняли это имение. Но вы не беспокойтесь. Я даю слово, что имение не пострадает, и мы покинем Марфино, как только получим приказ императора.

Сделав паузу, полковник ожидал ответа, но девушка молчала, и он заговорил вновь:

– Мне сказали, что вы – светлейшая княжна Елена Черкасская, сестра хозяина здешнего поместья. Пожалуйста, не смотрите на меня, как на врага. Поверьте, как только я увидел ваш дом, на меня нахлынули воспоминания о собственной семье. Все мои родные погибли во времена Террора. Вы, наверное, не можете себе представить, что такое потерять всех близких и скитаться по свету в полном одиночестве. Придя в этот дом и увидев вас, такую беспомощную, я почувствовал, что это знак судьбы. Ведь если я смогу помочь вам теперь, когда вы одна и страдаете, то я хоть немного смогу вернуть долг providению за то, что сам остался в живых, когда вся моя родня погибла. Пожалуйста, не бойтесь меня и не гоните!

Маркиз замолчал. В полной растерянности смотрела Елена на этого красавца в расшитом золотом чужом мундире, он казался ей таким огромным и мощным по сравнению с ней, почти не заметной под одеялом. Но, удивляясь самой себе, она движением королевы выпрямила спину, запахнула на груди шаль и указала французу на стул.

– Пожалуйста, садитесь! Давайте поговорим, – предложила Елена и умилилась тому, с какой готовностью маркиз подчинился.

Княжна почему-то сразу ему поверила. Она теперь тоже знала, что значит терять близких и как больно скитаться в одиночестве, Елена вдруг почувствовала в этом чужеземце родственную душу. Положившись только на свои ощущения, подсказавшие, что этот человек не предаст, Елена рассказала маркизу о том, что произошло в Ратманово.

– Теперь мне нужно как можно быстрее поправиться и продолжить путь в столицу, – закончила она свой рассказ.

Арман был сражён. Эта до полусмерти избитая русская девушка ехала через воюющую страну искать справедливости, защищая свою честь и свою семью.

– Мадемуазель, меня изумляет, что изнеженное дитя знатной семьи обладает такой силой духа и так борется за себя и своих близких. Если бы мои кузины обладали вашим мужеством и так же боролись, может, они сейчас были бы живы. Однако позвольте спросить. Есть ли где-нибудь дом, где вы сможете остановиться, а дядя будет не вправе забрать вас силой? – спросил Арман. – Как я понял, этот князь Базиль – ваш опекун?

– Да, он так нам сказал. Хотя я не знаю, как это должно быть по закону. Я никогда не думала, кто и что наследует. Знаю, что по завещанию отца, мамы и бабушки мне и сёстрам оставлены деньги, а все имения отошли Алексею. Часть имений – майоратные, они не делятся и передаются в семье старшему наследнику по мужской линии, но то, что мой брат получил от бабушки, должно наследоваться в обычном порядке.

Елена вдруг поняла, откуда взялась в дяде такая жестокость: дело касалось не только приданого, он хотел уничтожить других претендентов на наследство Алексея.

– Боже мой! Ведь Ратманово, где жили мы с сёстрами, не входит в майорат, и оно должно было отойти не дяде, а ближайшим родственникам моего брата. Я – одна из наследниц, вот почему дядя хотел меня убить!

Елена сделалась блее своей подушки, и испуганный маркиз схватил её за руку.

– Пожалуйста, не волнуйтесь так, вы ещё очень слабы! – взмолился он, а потом спросил: – Сколько лет вам придётся ждать до получения наследства ваших родных?

– Через три года я должна получить наследство мамы и бабушки, а ещё через четыре – отцовское.

– Значит, вам придётся три года скрываться. Судя по всему, ваш дядя не намерен ни с кем делиться, – признал маркиз. Пока он не видел никаких возможностей помочь Елене.

– Но если я смогу потребовать от императора правосудия, дядю должны арестовать, ведь он – убийца!

В условиях войны это казалось нереальным, но Арман пожалел княжну и оставил своё мнение при себе, переведя разговор на другое:

– Где вы собирались жить в столице?

– Тётя дала мне письмо к своей подруге, – сообщила Елена, впервые начав сомневаться в осуществимости своего замысла.

– Ваша тётя недавно получала письма от этой дамы, знает, что та жива и не уехала куда-нибудь в дальнее имение? – уточнил Арман.

– Нет, тётя вообще много лет её не видела, – почувствовав, что план её рушится, а никакого другого нет, Елена испуганно спросила: – Но как же мне теперь быть?

– Пока мы здесь, ваш дядя в это имение не сунется, и вы можете спокойно набираться сил. Когда же мы получим приказ отступать, я вас предупрежу, и тогда решим, что делать

дальше, – успокоил её маркиз и предложил: – Отдыхайте, а то я вас заговорил... Но вы разрешите мне прийти к вам завтра?

Елена робко улыбнулась этому странному французу и согласилась:

– Хорошо, приходите...

Глава девятая

Единственный вариант

Утром Елена попросила найти ей что-нибудь самое скромное из одежды покойной матери. Платья оказались безнадежно широки, но Маша пообещала их ушить. С трудом поднявшись с постели, княжна попробовала ходить, но её зашатало, и, пройдя с десятков шагов, она рухнула в ближайшее кресло.

– Ну, ничего страшного, скоро я наберусь сил. Два-три дня – и я окрепну, – пообещала она не столько перепуганной Маше, сколько себе самой.

Зато Елена смогла принять ванну и вымыть голову, а там подоспело и ушитое платье из голубого бархата. Княжна посмотрелась в зеркало. Хрупкая девушка с шапкой блестящих золотистых локонов на маленькой головке казалась совсем незнакомой. Всё в ней было странно: и неправдоподобно большие глаза, и тонкая, как стебелёк одуванчика, длинная шея, и острые ключицы в вырезе платья. Но самой себе Елена нравилась, она не отказалась бы остаться такой навсегда. Только вот сил было слишком мало. Утомленная, она устроилась в кресле у окна и задремала, а проснулась, лишь когда Маша сообщила, что полковник пришёл с визитом.

– Скажи, что он может зайти, – откликнулась Елена.

Она вдруг поняла, что приход гостя её обрадовал, хотя, вообще-то, для этого и не было особых причин. Княжна не понимала, почему её потянуло к этому странному французу, но ничего не могла с собой поделать. Может, дело было в том, что маркиз отмолил её у смерти? Он протянул руку и вытащил Елену из чёрной бездны, а теперь она просто боялась рухнуть обратно?

Горничная вышла, а спустя пару минут раздался тихий стук в дверь и в комнате появился Арман. Он ещё не видел Елену в новом облике. Понравится ли она ему? Восхищение, вспыхнувшее в глазах маркиза, всё сказало без слов.

– Добрый вечер, мадемуазель, позвольте заметить, что голубой цвет вам удивительно идёт, вы просто неотразимы. – Маркиз поцеловал Елене руку. – Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, сегодня уже хорошо, я надеюсь быстро восстановить силы, – отозвалась княжна и улыбнулась галантности своего кавалера (маркиз вёл себя так, будто они встретились на балу), а потом предложила: – Садитесь, и, пожалуйста, называйте меня Еленой.

– Благодарю! Можно вас попросить тоже называть меня по имени, это меня порадует.

Елена вдруг осознала, что этот сильный и красивый чужестранец совершенно покорен её воле, это ясно читалось в его взгляде. Неужели Маша, предположившая, что полковник влюблён, оказалась провидицей? Господи, только бы француз не догадался о циничных мыслях русской княжны! Елена поспешила отвлечь собеседника – втянула его в разговор:

– Арман, расскажите мне о себе. Кем вы были до того, как стали полковником?

Маркизу вдруг так захотелось излить душу, что он не удержался и рассказал своей Прекрасной Елене всё.

Княжна слушала, и перед её взором сменяли друг друга виноградники Бургундии, роскошные интерьеры дворца в Фонтенбло, прекрасное лицо итальянской принцессы, приведшей маленького сына в гости к царственной крестной. Елена слышала весёлый смех мальчиков и девочек, играющих в парке, принадлежащем их роду на протяжении столетий. А потом она представила зарево пожаров над восставшим Парижем и телегу, гружённую сеном, под которым верный слуга вывез юного Армана в монастырь.

Услышав рассказ о Бонапарте и военном училище, Елена поняла, почему Арман не только служит императору, но и предан ему. Невзгоды, испытанные одиноким юношей,

выковали цельный характер, главными в котором были верность и честь. Такому человеку можно было довериться, и Елена, сама не заметив как, тоже рассказала о смерти родителей, о бабушке и сёстрах. К вечеру княжна уже считала полковника своим другом, и ей казалось, что он думает точно так же. Но как бы она удивилась, если бы могла прочесть мысли де Сент-Этьена! Он не считал себя её другом, он Елену любил.

Неделю спустя Елена окончательно встала на ноги. Набравшись сил, княжна устраивала себе прогулки по второму этажу дома (не спускаясь вниз, чтобы не встречаться с французскими офицерами), и каждый вечер её навещал маркиз. Они вместе пили чай, разговаривали. В историях их жизни оказалось столько общего, что Елена стала считать де Сент-Этьена не просто другом, а почти родным. Рядом с ним было так спокойно, страхи отступали, и жизнь уже не казалась совершенно беспросветной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.